

Annotation

Судьба сводит вместе людей, казалось бы, непохожих друг на друга. Проповедник, сосланный в далёкую миссию, маршал, отыскивающие следы большой банды, бродячий тапёр, желающий проверить слухи об отличнейшем борделе. Что может объединить этих людей вместе? Вагон поезда, в котором они все волей случая оказались? Налёт банды грабителей? Или что-то ещё?

Глава 1

Отец Уильямс недолюбливал поезда. Не сказать, что бы он был человеком консервативного склада характера. Отец Уильямс спокойно, а иногда даже с одобрением, воспринимал новые достижения в инженерном деле. Кроме инженерного дела, он с удовольствием следил, как развивается наука. Даже, подумать только, с пониманием относился к отдельным новым веяниям в моде. А вот с железной дорогой у него складывались довольно таки натянутые отношения.

Начать с того, что на вокзале стоял постоянный гвалт. Все торопятся. Кто-то старается всунуться без билета. Толкутся, норовят залезть в карман соседа, вместо своего. Резкие свистки, подаваемые машинистом поезда. Скорее-скорее, поезд отправляется.

Потом вагон. Конечно, отец Уильямс соглашался с этим, есть относительно, обратите внимание, именно относительно, удобные купе. Рассказывали и о спальнях вагонах. Если в первых ему доводилось путешествовать, то насчет вторых он не мог ничего сказать.

К сожалению, сейчас речь шла даже не об относительно удобных отдельных купе. В которых собирается пару человек зараз. Самый обычный вагон. В одном конце едут фермеры, громко обсуждая цены на кукурузу в этом году. В другом конце внимание к себе приковал средних лет мужчина в котелке и с модно подкрученными усиками. Длинные подвижные пальцы говорили, что он пианист. Компания вокруг него периодически взрывалась хохотом, реагируя на очередную историю.

Душно всегда. Летом особенно. И приоткрытые окна вовсе не облегчают состояние. В эти самые приоткрытые окна врываются, пойманные и закрученные ветром, клубы паровозного дыма. Пахнущего углем, оставляющего пятна копоти на одежде.

Была ещё одна важная вещь. Вагон оказался полон. Кроме уже упомянутых компаний, в нём ехали старатели, несколько военных, мексиканцы. Последние ехали семьями. Их дети с удовольствием вносили свой вклад во всеобщий гвалт.

Так бывало девять раз из десяти. Так оказалось и в этот раз. Отец Уильямс отложил в сторону библию и выглянул в окно. Ровная прерия с далёкими холмами. Ехать предстояло долго. Уильямс задумался о причине, поспособствовавшей его новому назначению.

В небольшом саквояже, стоявшем в ногах проповедника, что-то булькнуло. О да, отец Уильямс грустно усмехнулся, официальная версия курии была ему ясно озвучена. Человек, столь равнодушный к виски, не может являться примером для прихожан столь значимого города и прочее, и прочее. В то же самое время, курия должна помнить о большом и неоспоримом таланте отца Уильямса. Поэтому, необходимо подыскать место, требующее внимания такого человека и таких талантов.

О Блэкроке говорили всякое. В большинстве случаев — шепотом. Сказочные богатства, лежащие на поверхности, сами идущие в руки. Беспринципные негодяи, отбирающие у старателей добытое тяжким трудом. Сколько подобного говорили в кабаках и на улицах любого большого города. Многие, услышав эти истории, срывались с насиженных мест в надежде ухватить удачу за хвост. В одиночку, семьями, артелями. Люди спешат оказаться первыми, застолбить лучшие места. Одним везло — своими руками, или своим пистолетом, они добывали своё богатство. А кто-то находил лучшие места — на кладбище.

Да, именно такая слава шла об этом городке старателей. Как магнитом тянуло туда и трудяг и любителей лёгкой наживы. Однако, вскоре выяснилось — даже самый быстрый

кольт бывает бессилён, а за добытое состояние приходится платить не только жизнью.

Уильямсу довелось видеть, чем платили эти люди. Добываемый ими минерал менял их тела, оставляя свою печать. Проповедник прикрыл глаза. Это не было самым страшным в его жизни. Конечно, подобное легко вселяло страх во многих. Но если тебе каждый день приходится справляться с целым сонмом голосов в твоей голове...

Уильямс заливал их виски. Вполне успешно, надо сказать. Голоса затихали, злорадно хихикая. Прятались глубоко внутри сознания проповедника. Делали они это с одной целью — чтобы вновь возникнуть из неоткуда и испытывать его веру.

Рука сжала корешок библии. Он знал, что его вера крепка. Благодаря своей вере, он и мог делать то, что другим оказывалось недоступным. Да, цена была высока. Порой казалась чрезмерной. Зато когда мать обнимала своего ребёнка, почти ушедшего за край жизни, и просила помочь. Когда совсем ещё молодой солдат ловил последние мгновения своей жизни — успеть исповедаться, не уйти без покаяния. В такие моменты отец Уильямс забывал о цене. Не думал о тех голосах, что могут прийти и рвать на части его душу. Он молился — истово и искренне взывал к Богу. Просил о милости и заступничестве. Просил о чуде.

После матери благодарили его, а хирурги удивлялись, что пуля оказалась почти у сердца — ещё чуть-чуть и всё.

А отцу Уильямсу приходилось брать виски и глушить глумливые голоса. Те шептали, что он много на себя берёт, что такова была настоящая воля небес. Какое он, простой человек, имел право изменять эту волю. В таких случаях, конечно, молитвы помогали — его вера действительно была крепка — но ещё лучше помогало виски.

Теперь, благодаря виски и его талантам, путь отца Уильямса пролегал в миссию Сан Мигель, неподалёку от руин того самого Блэкрока. Ему предстояло нести слово Божье местным индейцам и креолам. Почётная и важная задача. По силам исключительно избранным. Или, возможно, не совсем удобным для настоятелей городской церкви.

Проповедник провёл рукой по роскошным бакенбардам, напоминая об армейском прошлом, и перевёл взгляд на попугчика, сидевшего напротив.

Этот человек был немолод — усы и виски серебрились сединой. В то же время, старым его ещё нельзя было назвать. Он находился в том возрасте, когда мужчина полной мерой осознаёт себя, свои потребности и возможности.

Одет попугчик в добротную дорожную одежду. На коленях, прикрывая пояс с оружием, лежал темный плащ. С левой стороны его жилета поблёскивала звезда маршала.

Скуластое лицо казалось бы более привлекательным без ехидного выражения и насмешливого взгляда темных глаз.

Попугчик проповедника неторопливо изучал его. Отец Уильямс прочитал в глазах маршала интерес к собственной персоне и постепенно формирующуюся оценку. Судя по улыбке попугчика, коснувшейся его губ в тот самый момент, когда Уильямс посмотрел на него, оценка оказалась неплохой.

— Не любите поезда? — произнес маршал, цепко удерживая взгляд проповедника.

— Предпочитаю говорить — не доверяю поездам, — ответил тот, не отводя глаз.

— Конечно, — маршал кивнул. — Для человека, прошедшего молодость в кавалерии, вполне естественно доверять исключительно живым существам.

Уильямс прищурился. Его собеседник оказался на удивление наблюдательным и проницательным.

— Мозоли на ваших ладонях. Осанка и взгляд, которым вы оглядываете пейзаж за

окном, — попутчик правильно оценил выражение лица проповедника. — Моя работа располагает к развитию определенного рода навыков. Если, конечно, я не хочу поскорее обзавестись деревянным костюмом.

Он вновь улыбнулся. Ехидно, надо сказать. Впрочем, вполне искренне — Уильямс отметил морщины, собравшиеся в уголках глаз.

— Прошло более десяти лет, как я покинул армию — проповедник откинулся на спинку сидения. — Я решил — есть другие способы послужить людям.

— Вы правы. Защита души важна не менее, а в некоторых краях даже более, защиты тела. И если для защиты последнего в нашем распоряжении множество способов, то в отношении души всё намного сложнее.

— Вы увлекаетесь теологией, мистер? — Уильямс сделал паузу, намекая собеседнику, что было бы вполне уместно представиться.

— Мортимер, — маршал понял его правильно. — Дуглас Мортимер. И отвечая на ваш вопрос — я не теолог, предпочитаю действовать, а не рассуждать. Впрочем, повторяюсь — некоторые места в нашем благодатном крае требуют защиты именно души. Вы ведь не станете переубеждать меня, отче?

Пришла пора проповеднику представиться. Он кивнул, подтверждая слова Мортимера.

— Меня зовут Джозеф Уильямс. Конечно, я не стану вас переубеждать. Возможно, не соглашусь в моменте места. Душа всегда и всюду будет первой в очереди на спасение. Ибо она, в отличии от тела, бессмертна.

Дуглас наклонил голову, соглашаясь с высказанной проповедником сентенцией. Потом продолжил, кивком указывая за окно.

— А скажите, отче Уильямс, вас так же, как и меня смущает это облако пыли, движущееся нам наперерез?

Джозеф проследил за взглядом Мортимера. Да, именно это облако пыли он заметил когда, отложив библию, выглядывал в окно вагона. Теперь оно значительно увеличилось в размерах. Что ж, сомнений стало гораздо меньше. Будучи бывшим офицером кавалерии, Уильямс прекрасно понимал, что означает подобное облако. Он задумчиво потерев бакенбарды.

— Думаю, это дилижанс. С такого расстояния трудно говорить с уверенностью.

Дуглас склонил голову набок, примеряясь к словам проповедника. Он решал — шутит его собеседник, говорит ли серьезно, или пытается насмеяться.

Придя к определенному выводу, он ещё раз посмотрел в сторону объекта их разговора. Потом встав и ухватившись за приоткрытое окно, потянул вниз. Рама со стеклом скользнула, давая возможность высунуться наружу. Положив шляпу на сидение, Дуглас подался вперед, высовываясь в окно.

Как и предположил проповедник, на поясе Мортимера крепились две кобуры. Рукоятки револьверов торчали из них.

Порыв ветра, ворвавшийся в открытое окно, забросил в салон вагона клуб дыма. Раздался кашель, за ним возмущенные возгласы. Дуглас, не обращая ровным счётом никакого внимания на возмущения, неторопливо вернул раму в прежнее положение.

— Дилижанс это, или нет, — произнес он, обращаясь к Джозефу, — мы узнаем довольно скоро. До Перекрестка Стоуна осталось совсем немного.

Уильямс спросил.

— Это станция?

— Учитывая размер городка, это наиболее точное его определение. Маленький вокзал, телеграф и станция дилижансов. К ним можно добавить пару домов служащих и салун.

— Не думаю, что мы простоим в подобном месте достаточно для того, чтобы узнать, кого скрывает облако пыли, — Джозеф кивнул в окно.

Дуглас потер подбородок одной рукой, другой неосознанно сжимая рукоять одного из револьверов.

— Знаете, мистер Уильямс, я хочу в полной мере разделить вашу уверенность и не могу. Здесь дикая граница. Самым мудрым решением будет всё время держать палец на спусковом крючке пистолета.

— Буквально несколько минут назад, вы говорили, что защита души порой важнее защиты тела, — сухо произнес проповедник. — Успели переменить своё мнение?

— Отнюдь отче, отнюдь, — покачал головой маршал. — Я от своих слов не отказываюсь. Как и от своей работы. А работа моя, как раз и предполагает защиту жизней, или наказание преступников. Образно выражаясь — я работаю с телами. Что касается вас — в вашем ведении души людей. Спасать и наставлять, нести слово Божье в самые отдаленные уголки мира. Таков ваш труд.

Дуглас потянулся и вернул шляпу на голову.

Уильямс взгляделся в собеседника. Нет, не издевается. Мортимер действительно говорил, что думал. У каждого своя роль и своё оружие в этой жизни. Оружием маршала был светский закон. Оружием Джозефа — слово Божье.

Какое-то время в разговоре царил пауза. Вагон мерно подпрыгивал на стыках рельс, располагая к дреме. Дети, в конце концов, умаявшиеся от игр, свернулись калачиками, положив головы на колени своих матерей и уже сопели. Человек, принятый Джозефом за пианиста, что-то жевал, сдвинув котелок на затылок. По вагону прошел кондуктор, сообщая, что скоро остановка в Перекрестке Стоуна. Несколько пассажиров завозились, проверяя вещи. Видимо, они собирались сойти на этой, неизвестной проповеднику, станции.

Уильямс снова посмотрел в окно. Того самого облака, ставшего причиной беспокойства Мортимера, видно не было. Судя по всему, лошади таки отстали от поезда. Джозеф вздохнул с облегчением. Ему самому облако не понравилось. Да, проповедник предположил вслух, что это дилижанс. Правда, это было скорее самоуспокоение. Армейский опыт говорил о другом, поддерживая опасения маршала.

Дуглас не ошибался, говоря о дикой границе. Здесь всегда надо ждать худшего и благодарить Бога за каждый прожитый день

Проповедник положил голову на спинку сидения и уставился в мерно покачивавшийся потолок вагона. Прикрыв глаза, он вновь задумался о своём назначении. Что ждёт его в миссии Сан Мигель? Трудно сказать, но если путь ведёт туда, значит так угодно Богу. Положив руку на библию, Уильямс не заметил, как погрузился в сон.

Перекресток Стоуна Джозеф проспал. Дуглас Мортимер, подпирая плечом вагон, попыхивал трубкой на перроне. Дилижанса не было. Маршал успел перекинуться парой слов со служащим станции и теперь знал — ближайший дилижанс прибудет только через два дня. Тогда Мортимер поймал за рукав пробежавшего мимо пацана, сунул ему в грязную ладошку четвертак. Потом маршал кивнул в сторону почтовой станции. У её входа, привязанные к коновязи, стояли две отличные кобылы. Обе под сёдлами, готовые в любой момент отправиться в путь.

Крепко зажав в ладони монетку и сунув руку в карман весьма потяганных штанов, для

верности, парнишка шмыгнул носом.

Конечно, сеньор, они бывают здесь. Нет, сеньор, не местные. По виду пастухи. Все такие из себя важные. Проблемы? Что вы, сеньор. От них никогда проблем не было.

Мортимер отпустил пацана и стал дожидаться отправления. Однако, почтовую станцию он не выпускал из вида. Как маршал и говорил Уильямсу — городок был очень маленьким. Поэтому, даже стоя на платформе станции можно видеть почти весь Перекресток Стоуна. Дуглас подумал, что он пустоват, даже для своих более чем скромных размеров.

Услышав свисток машиниста, Мортимер неторопливо поднялся в вагон.

Поезд отходил от станции, когда владельцы лошадей вышли на улицу. Длинные, запылённые плащи, широкополые шляпы, прикрывающие лица от солнца. С такого расстояния разглядеть черты лиц, скрытые тенью от шляп, не удастся.

Досадуя, маршал покачал головой. Двое не торопились. Медленно подошли к лошадям, стали их отвязывать. Дуглас прошел в вагон, попутно напрягая память. Нет, слишком мало деталей. Даже для его цепкого взгляда. Эти двое удачно всё рассчитали. Если бы даже ими кто-то заинтересовался из проходящего поезда, то разглядеть толком пастухов у него не получилось бы.

Мортимер вернулся на своё место. Напротив него спал священник. Грудь его равномерно вздымалась и опускалась. Лицо довольно волевое, чувствуется внутренний стержень. К сожалению, порок оставил на нём свои следы, придавая коже одутловатость и красноватый оттенок. Фигура не была расплывшейся, или излишне худой. В этой фигуре по-прежнему угадывался военный.

Что стало причиной столь резкой смены жизненного пути? Дуглас подумал было о виски, но отогнал эту мысль. Его собеседник не походил на трясущегося пьяницу, способного думать исключительно о бутылке.

Прищурился, маршал посмотрел на саквояж проповедника. Ещё раз ощупал взглядом каждую складку на одежде соседа. В задумчивости потер подбородок.

Предчувствие не отпускало его с момента посадки в вагон ещё там, в Луизиане. Это самое предчувствие никогда его не подводило. Вот сейчас, оно просто вопило об опасности. Маршал изучил каждого в вагоне. По возможности, оценил всякого садящегося, или покидающего поезд. И не мог понять — чего хочет его внутренняя тревога. Здесь, в Перекрестке Стоуна, она взывала гораздо громче. Дуглас ухватился за это, пытаясь понять — кем были эти двое неместных. К сожалению, времени оказалось слишком мало.

Ко всему прочему, этот проповедник. Как его, ага — отец Уильямс. Что-то беспокоило Мортимера в этом человеке. Он прислушался к внутреннему голосу. Настороженности, или враждебности не ощущалось. Это больше напоминало схожесть. Маршал покачал головой, соглашаясь с самим собою. Словно нашел человека, очень похожего на самого себя.

И все же — предчувствие. Дуглас провел пальцами по своему поясу. Полы пиджака скрывали большую его часть. Маршал не любил, когда на его оружие пялились все, кому не лень. Два револьвера и патроны, уютненько устроившиеся в своих гнёздах. Ничего-ничего, пока вы со мною можно поспорить с кем угодно и с чем угодно. Холодок пробежал по позвоночнику законника.

Плащ одного из тех двоих. Он весьма странно оттопыривался. Словно под ним было что-то, чему там совсем не положено быть. Возможно ли, что эти двое из Блэкрока? Лицо Дугласа напряглось. До Санта Цело оставалось совсем немного, а там... Там вряд ли стоит ждать нападения.

Гудок не прекращался. Резкий, свистящий звук — он разбудил Джозефа. Раздражённо ворочаясь, в попытке вернуть подвижность затекшим членам, он открыл глаза. В следующий момент поезд резко затормозил. Вагоны заскрежетали колесами, гася набранную скорость. Противный скрип резанул по ушам.

Если бы отец Уильямс продолжал спать, то, подобно многочисленным вещам пассажиров, оказался бы на полу вагона. В этом случае, последствия вполне могли оказаться плачевными. А так, проповеднику удалось удержаться и не полететь с сидения.

Вокруг галдели возмущенные пассажиры. Люди потирали ушибленные бока, собирали разбросанные вещи. Кое-кто спешил узнать причину столь резкой остановки поезда, а заодно высказать машинистам много лестных слов.

Джозеф поднял свалившуюся шляпу, отряхнул её от пыли. Мысли проповедника мало отличались от мыслей соседей по вагону. С чего бы это машинист решил тормозить посреди нигде, да ещё так внезапно? Уильямс получил очередное подтверждение своего отношения к поездам. В следующий раз исключительно дилижансом — пообещал он себе. Однако же, что случилось-то?

Маршал, попутчик Джозефа, резко вскочил с места. Расталкивая людей, толпящихся в проходе, он бросился к выходу из вагона. Одного взгляда на Мортимера проповеднику хватило, чтобы понять — случилась та самая, давно ожидаемая, неприятность.

О, как же не вовремя. Уильямс закатил глаза, горестно вздыхая, а потом, повинувшись внезапному порыву, поспешил за законником.

Задержался проповедник только на секунду. Ровно что бы подобрать упавшую библию. Поднимая её, он заметил, что книга раскрылась на страницах псалтыря. Джозеф машинально прочитал первые строчки: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всевышнего покоится».

Девяностый псалом. На ходу закрывая книгу, проповедник тихо проговаривал следующие строки.

— ...перьями Своими осенит тебя и под крыльями Его будешь безопасен.

Внутри Уильямса крепла уверенность — вера его может понадобиться очень скоро. Словно в доказательство этого, на затылок легла невидимая тяжелая рука. В тоже время, Джозеф ощутил, как что-то поддерживает его с двух сторон, а тёплая волна разливается по телу, гоня прочь тяжесть с его головы.

— ...долготою дней насыщу его и явлю ему спасение Моё.

Последние строки псалма проповедник проговорил, соскакивая со ступенек вагона на сухую землю, рядом с Дугласом Мортимером.

Ровно посередине между рельсами, по шпалам, шел человек. Одной рукой он держал поводья лошади, ведя кобылу вдоль железной дороги. В другой руке он держал яблоко, которое грыз с большим энтузиазмом.

Человек этот никуда не торопился. Он с интересом поглядывал на дымящийся, лязгающий железом поезд. На непрерывные свистки, подаваемые машинистом, он попросту не реагировал.

Животное оказалось под стать своему хозяину. Кобыле была абсолютно безразлична приближающаяся громада, издающая пронзительные звуки. Она флегматично цокала

подкованными копытами рядом с человеком. Пару раз лошадь потянулась мордой к яблоку, но получив нагоняй, более не пыталась посягать на лакомство хозяина.

Высекая искры, поезд остановился у самых кончиков сапог странного человека. В тот самый момент, когда он, дожевывая яблоко, перебросил огрызок за спину. Лошадь проводила остатки обиженным взглядом, всхрапнула. Человек вытер пальцы о поля шляпы и, приподняв последнюю, с насмешкой уставился на паровоз.

Старший машинист, перепачканный копотью и сажей крепкий мужчина лет за тридцать, уже спрыгивал на землю. Выражение его лица не предвещало шутнику ничего хорошего. Расстояние между ними укладывалось в несколько шагов. Поэтому машинист рассчитывал уже через мгновение познакомиться свой тяжелый кулак с рожей этого придурочного малого.

Что-то невероятно тяжёлое и горячее толкнуло машиниста в грудь как раз в тот момент, когда его кулак поднялся для удара. Толчок оказался настолько силён, что машинист крутнулся на месте, разворачиваясь прочь от мужчины в шляпе.

Не понимая, что происходит, машинист попытался вновь оказаться лицом к лицу с полоумным. С малым, принявшим железную дорогу за бульвар для прогулок.

Однако, перед лицом оказалась хрустящая на зубах земля. Крепкое, выносливое тело, служившее верой и правдой во всех похождениях и в работе, налилось свинцовой тяжестью. Стало очень холодно.

Ещё машинист понял — лежит он достаточно долго. Иначе с чего бы это стало так темно? Они уже и так потеряли кучу времени из-за этого идиота. Поезд надо ведь и разогнать. Надо вложиться во время. В противном случае, эти индюки из компании урежут оплату. Машинист оперся руками о землю, собираясь подняться, и в следующее мгновение тяжело обмяк, пачкая серую пыль красным.

Помощник машиниста попытался укрыться в кабине, но не успел. Пуля настигла его быстрее, пробив голову. Тело безвольно перевалилось через окно.

Не убирая дымящегося пистолета, убийца громко и резко свистнул. Лошадь заржала, поднимаясь на дыбы, и человек отпустил поводья. Почувствовав свободу, животное рвануло вперёд, выбивая копытами облачка пыли.

Свист бандита, вместе с разлетевшимся по округе ржанием и звуками выстрелов, послужил сигналом. Воздух разрезали дикие крики и улюлюканье. Человек пятнадцать скакали к поезду, паля из пистолетов и винтовок. Первый налётчик, не торопясь, достал ещё один револьвер и, продолжая усмехаться, пошел к ближайшему вагону.

Мортимер спрыгнул со ступенек, когда раздался свист. Убивший машиниста человек оказался с другой стороны поезда и на расстоянии нескольких вагонов. Зато прямо на него неслась ватага всадников. Гикающих, вопящих, оглашающих округу беспорядочными звуками выстрелов.

Дуглас вскинул своё оружие и нажал на спусковые крючки. Стоило револьверам дёрнуться, выбрасывая из стволов смертоносных ос, маршал рванул в сторону, уходя с линии ответного огня.

Один из бандитов, раскинув руки, завалился на спину своего коня. Другой, с проклятьями, зажал прострелянное плечо и поторопился отъехать в сторону, пропуская подельников. Часть из них, заворачивая коней и пригибаясь к шеем скакунов, направилась к маршалу. Остальные подлетали к вагонам. Спрыгивали и, разряжая оружие в проходы тамбуров, вламывались внутрь.

Над поездом взвился женский визг, мешавшийся с мужской руганью. Кое-где в вагонах слышались звуки выстрелов, не все пассажиры ехали без оружия, однако они быстро смолкли. Людей, готовых оказать вооруженное сопротивление налётчикам, оказалось слишком мало.

Всё же, части бандитов пришлось отвлечься от грабежа — их внимание привлекал маршал. Благодаря этому, проповедник Джозеф Уильямс остался один возле вагона. Он попробовал оглядеться и понять, что происходит.

Подскакавший к вагону, смуглый мексиканец резко осадил коня рядом с проповедником. Грубо оттолкнув в сторону отца Уильямса, бандит быстро оказался на площадке вагона. В его левой руке оказался револьвер, а правой он вытянул длинный нож. Этим самым ножом он пырнул выскочившего ему на встречу проводника. Переступив через тело, мексиканец со смехом вошел внутрь вагона.

Уильямс отряхнул сутану. Ему не было страшно. За себя во всяком случае. Проведя годы в кавалерии, Джозеф привык к смерти. Привык к простой мысли — рано или поздно, но смерть положит свою тощую руку на его плечо.

Не боялся проповедник и вот таких вот молодчиков. Готовых пырнуть ножом, пустить в тебя пулю просто так, из-за того, что ты оказался у него перед глазами и не успел вовремя отскочить. С товарищами по оружию он отправил немало подобных на Суд Божий.

Однако, Джозеф искал глазами маршала, ему всегда становилось страшно за других людей. За тех, к кому он испытывал симпатию, или просто находился рядом.

В соседнем вагоне раздалось несколько выстрелов, потом послышался грубый голос. В следующее мгновение стекло лопнуло под весом молодого парня. Тот тяжело упал, но поспешил подняться на ноги. Из простреленного плеча текла кровь. Не обращая на рану внимания, молодой человек сделал попытку вернуться в вагон, но выстрел, прозвучавший со стороны паровоза, не дал ему это сделать.

Уильямс бросился к упавшему.

— Отходную прочтешь потом, проповедник. Когда мы закончим здесь и оставим вас наедине со своими мыслями.

Голос звучал презрительно. Он не был грубым, проповедник даже мог назвать его красивым. Мешала издевка, звучащая в каждом слове, делая голос очень жестокими.

Джозеф успел сделать ещё один шаг, увлечённый желанием помочь упавшему, когда земля у его ноги брызнула фонтанчиком. Ещё одна пуля ударила с другой стороны.

— Я не люблю убивать священников. Ещё меньше я люблю повторять более одного раза.

Уильямс застыл. Не было смысла спорить или геройствовать. Говоривший с ним дал шанс проповеднику остаться живым. Глупо размениваться на красивую, но абсолютно бессмысленную жертву.

Бандит обошел проповедника и, приподняв дулом одного револьвера край своей шляпы, махнул другим вдоль поезда.

— Этот законник хорош. Достоин уважения. Такого жалко убивать.

Человек рассмеялся, будто слова его оказались отличной шуткой. Уильямс посмотрел в сторону, куда указал перед этим стрелок. Да, согласился Джозеф, Дуглас Мортимер был отличным бойцом.

Если не считать первых двоих, кого подстрелил маршал, на земле уже лежали трое. Ещё трое, раненные, но не убитые, предпочли держаться подальше от законника. Однако

оставались человек пять, прикрывающихся своими конями. Эти не торопились высовываться, надеясь, что у маршала закончатся патроны, или он допустит ошибку.

Из одного вагона выскочил бандит. В одной руке он сжимал дорожную торбу, набитую награбленным, в другой руке был карабин. Он заметил Мортимера и вскинул свое оружие. Дуглас оказался быстрее. Зажимая рану в животе, бандит осел рядом с упавшей добычей.

Выжидавшие бандиты решили — вот он, подходящий момент. Одна из пуль оцарапала шерифу щеку, вторая ударила в вагон, рикошета в сторону. Мортимер мгновенно обернулся, вскидывая револьверы. Царапину на щеке он оставил без внимания. Бандиты бросились врассыпную, стараясь избежать метких пуль законника.

— Эй, шериф! — крикнул державший Уильямса на прицеле стрелок, наведя второй револьвер на Мортимера.

Дуглас развернулся в его сторону. Револьверы почти нашли цель. В этот момент бандит выстрелил.

Проповеднику пришлось напрячь все свои силы, чтобы остаться на месте. Что бы он ни сделал, это ничего не дало бы. Бандиту просто понадобилось бы спустить курок второго револьвера, отправляя Джозефа на встречу с создателем. Сжав кулаки, проповедник делал единственное, что мог в этот момент — молился. Молился, истово прося о чуде.

Пуля ударила маршала в грудь. Расстояние оказалось небольшим и мужчину буквально развернуло на месте, как до этого беднягу машиниста. Мортимер ткнулся в бок вагона, сползая на землю. Револьверы выскользнули из разом ослабевших рук, а тело застыло в неестественной позе.

Больше сопротивления никто не оказал, и бандиты продолжили грабить поезд. Управились они быстро. Радостно гикая и смеясь, они забрасывали свою добычу на коней. Несколько направились в сторону лежащего Дугласа. Судя по всему, они собирались обобрать его труп.

Бандит опустил один из револьверов в кобуру, продолжая разглядывать Джозефа. На лице проповедника помимо его воли читалась неприязнь к мародёрам. Стрелок хмыкнул, а потом перевёл взгляд на подельников.

— Проваливайте, — лениво бросил он.

— Мертвецу ничего не нужно, — ответил дородный мексиканец. — А этот, ко всему прочему, ещё и законник.

— Хосе, ты хочешь что-то мне сказать?

Теперь голос стрелка звучал одновременно насмешливо и удивленно. Словно подельники откололи неожиданную, очень смешную шутку. Лицо мексиканца начало темнеть, но только в первую секунду. Ствол стрелка легонько качнулся. Одновременно с этим движением Хосе начал стремительно бледнеть. Стоявшие рядом с ним бандиты раздались в стороны. Мексиканец остался в одиночестве. Джозеф заметил, как затряслись его губы. Было ясно — этот стрелок внушает своим подельникам настоящий ужас.

За спиной проповедника раздался отчетливый звук копыт. Животное ступало так, словно несло на себе тяжёлую ношу. Уильямс решил посмотреть, кто ещё объявился.

— Развлекаешься, Джек? — глубокий голос, но какой-то скрежещущий.

Уильямсу показалось — несмазанные шестерёнки городских часов поместили на дно колодца.

Крупная лошадь несла на себе седока среднего роста, зато весьма кряжистого. Широкий плащ сидел плотно, хотя, подумалось Джозефу, не сковывал движений. Широкополая шляпа

прятала лицо с тяжёлой челюстью в тени. Глаза проповеднику разглядеть не удалось.

Подъехавший бандит развернул лошадь боком и, наклонившись в седле, осмотрелся.

— Ты же знаешь меня, — Джек продолжал смотреть на мексиканца. — Я всегда уважал хороших стрелков.

— При этом, не упуская возможности выстрелить в спину, — проскрежетал появившийся бандит, бросая взгляд на Уильямса.

Этот взгляд из-под полей шляпы придавил проповедника. Тяжёлый, холодный, изучающий. Затылок резко заломило. Джозефу даже пришлось сжать зубы. Стонать в присутствии этих двоих ему не хотелось.

Станный бандит продолжал изучать проповедника. В какой-то момент его рука, затянутая в мягкую кожу перчатки, опустилась на карабин, висевший в специальной кобуре на боку лошади.

Доставать его он не спешил, как не спешил отводить взгляда от Джозефа. Боль в затылке усилилась. Проповедник против воли поднял руку, в надежде помассировать ноющее место. Пальцы бандита сжались на карабине.

— Я не убиваю священников, Джеб, — отчётливо проговорил Джек. — Ко всему прочему, кто-то должен прочесть отходную. И не одну.

Джеб повернул голову в сторону сообщника. Давящая тяжесть тут же отпустила голову проповедника. Уильямс все же не удержался и застонал.

— Заканчивай здесь, Джек, — проскрипел бандит, разворачивая свою кобылу. — Мёртвых забирать не будем. Раз уж тут есть кому прочесть молитву.

Джек кивнул Джебу, потом махнул револьвером в сторону Хосе. Мексиканец быстро исчез, на ходу вознося молитву Деве Марии за внезапную милость.

— Тебе здорово повезло, проповедник, — стрелок повернулся в сторону Джозефа. — Будешь должен мне хорошую отходную по законнику. Тех, кого он убил, можешь не провожать в последний путь. Пускай сами добираются. Эти отбросы не имеют в жизни иной цели кроме своей жадности.

Уильямс посмотрел на стрелка и произнес.

— А у вас, наверняка, имеется цель гораздо более достойная?

Джек ухмыльнулся.

— Даже не одна. Просто я пока их не встретил.

Джозеф хотел сказать что-то ещё, однако стрелок предостерегающе поднял револьвер.

— Не надо заставлять меня отступать от моих принципов.

Джек быстро подошел к своей лошади. Ту за упряжь придерживал Джеб. Легко вскочив в седло, Джек направил кобылу прочь от разграбленного поезда. Джеб последовал за ним. Остальные бандиты заканчивали грузить добычу на коней и тянулись за своими главарями. Трупы своих, убитых Мортимером, они действительно бросили там, где те лежали.

Из вагонов стали выглядывать люди. С тревогой они следили за удаляющимися бандитами. Ограбленные, испуганные, люди переговаривались между собой. Откуда-то доносился плач.

Уильямс направился к Дугласу. Проповеднику не хотелось оставлять маршала лежать вот так — уткнувшись лицом в землю. Джозеф присел возле законника и начал переворачивать его. Маршал застонал. Руки Уильямса дрогнули, тело Мортимера едва не выскользнуло из них. Проповедник был абсолютно уверен — стрелок попал точно в грудь Мортимера. Вон и кровь на одежде маршала. Но если всё так и было, значит...

Джек не промахнулся. Пуля угодила в цель. Она вполне могла пробить сердце Мортимера. Однако, ей помешала маршальская звезда. Пробив её, пуля разорвала кожу и мышцы на груди человека, прошла между рёбер, но добраться до сердца уже не смогла.

От ранения Дуглас потерял сознание. Скорее всего, подумал Джозеф, это спасло жизнь законника не хуже его значка. Если бы Мортимер пошевелился, бандиты настигли бы его пулями.

Проповедник помог Дугласу сесть, опираясь о колесо вагона. Законник морщился при движении, но терпел. По счастью рана оказалась, хоть и болезненной, но не смертельной. Впрочем, пулю все же стоило достать. Интересно, а ехал ли в поезде хоть один врач?

Уильямс распрямился, оглядываясь по сторонам. Почти все пассажиры выбрались к этому времени из вагонов. Они бурно обсуждали, что делать дальше. Надо было отправлять кого-то в город. Сообщить о случившемся, уведомить железнодорожную компанию, вызвать шерифов.

Кто-то организовал несколько человек для переноски убитых. Бандиты не пожалели тех, кто пытался оказать им сопротивление. Тела мертвых бандитов тоже стаскивали вместе, но довольно небрежной кучей. Оставшиеся в живых проводники помогали пассажирам.

К Джозефу подошел человек в котелке и с перевязанным предплечьем. Проповедник узнал в нём тапёра, ехавшего в одном с ним вагоне.

— Пулю надо извлечь, — прокомментировал тапёр, опускаясь на корточки возле маршала.

— Для этого стоит поискать врача, — ответил проповедник, намериваясь уйти.

— Не стоит, — остановил его тапёр. — Его убили. Прыткий оказался малый. Когда эти бандиты полезли к женщинам, он ухитрился сломать одному руку, другому челюсть. Взамен получил ножом под рёбра.

Джозеф выжидающе посмотрел на парня. Для чего это он пришел сюда? Говорить очевидные вещи мог каждый.

— Мы с вами ехали в одном вагоне, — продолжил тапёр. — Будьте любезны, принесите мой саквояж. Мне тяжело сейчас забираться в вагон. И если у вас найдется выпивка, то захватите и её тоже.

Проповедник не сдвинулся с места. Пианист пожал плечами.

— В саквояже нож, нитки и игла. Я не первый год мотаюсь по пограничью. Научился не только языком чесать да пьяниц в салунах развлекать. Не врач, конечно, но пулю, тем более так близко застрявшую, — мужчина внимательно осмотрел рану маршала, — вытащить сумею.

Мортимер кивнул, соглашаясь с пианистом. Уильямс развернулся и направился в вагон.

— Мой саквояж у окна, в конце вагона, — голос догнал проповедника уже на ступенях

В вагоне был настоящий погром, но саквояж тапёра уцелел. Он действительно оказался у окна, но стоял засунутым под полку. Понадобилось время на его поиски. Ещё немного проповедник потратил, что бы привести в порядок свои скромные вещи. Они явно не заинтересовали грабителей.

Вернувшись, Джозеф поставил саквояж возле маршала и протянул тапёру плоскую флягу. Внутри булькнуло виски. Пианист удовлетворенно кивнул, подкатал рукава своей

рубашки, обнажая крепкие загорелые руки.

Найдя в своём саквояже нож, проповедник с уважением отметил превосходное качество стали, тапёр плеснул на лезвие виски и, чиркнув спичкой, поджог алкоголь.

— Будьте любезны, — обратился он к Джозефу, — плесните немного на рану.

Уильямс выполнил обращенную к нему просьбу.

— Ну-с, — тапёр пару раз махнул ножом, охлаждая сталь, — надеюсь, маршал, вы заставляли девушек впиваться в вашу спину своими ноготками.

Мортимер усмехнулся.

— Пару раз они впивались мне и в грудь, приятель. Вот, например, одна из моих последних любовниц едва не отыскала путь к моему сердцу.

Теперь улыбнулся и пианист, опускаясь возле Дугласа. Сноровисто расширив рану, он остриём ножа извлёк пулю. После чего, под шипение Мортимера, промыл рану виски и наложил пару аккуратных швов.

Люди вокруг потихоньку приходили в себя. Смолкли причитания, убитые оказались собраны в одном месте. Пришла пора решить, что делать дальше.

Машинисты лежали вместе с другими мертвецами, однако оставшийся в живых кондуктор немного умел обращаться с котлом паровоза. Пара крепких фермеров вызвалась помогать с топкой. По счастью, во время налёта механизм не пострадал. Пули, разбив стекла над манометрами, оставили сам котёл целым.

Тела убитых сложили в отдельном вагоне. Отцу Уильямсу понадобилось достаточно много времени для молитвы по усопшим. Кому-то досталось за излишнюю отвагу. Кто-то просто попался под горячую руку опьяненным азартом и злостью бандитам. Так, или иначе, но у проповедника под конец порядком устал язык. Джозефу хотелось прочесть молитву над каждым убитым, а это требовало не только времени, но и усилий.

Убитых бандитов бросать не стали. Однако положили отдельно от остальных тел, выделив под них грузовой вагон. Проповедник прочитал молитву над их телами тоже. Он справедливо полагал, что смерть уравнивает всех. Мёртвые предстанут уже перед другим судом. Не светским, но Божьим.

— Они не стали бы тратить на вас время, — возле грузового вагона стоял пианист, вытирая платком с лица пот.

— В этом я не сомневаюсь, — Джозеф выбрался из вагона и помассировал затылок, боль становилась всё сильнее. — Думаю, в этом заключается разница между ними и мною. Я научился прощать — многие из них, — проповедник махнул рукой в сторону тел бандитов, — уже не успеют научиться этому.

— Тут вы правы. Акс Грей, — тапёр протянул руку, Уильямс её пожал. — Можно просто Акс. Мой отец был лесорубом и просто таки обожал свою работу. Ко всему прочему, у него было превосходное, хотя и своеобразное, чувство юмора.

Несмотря на усталость, Джозеф нашёл в себе силы улыбнуться.

— Прости, Акс, — произнес он, чувствуя резкий спазм в висках, — я сильно устал. Думаю, наше знакомство придется отложить.

Грей нахмурился — обеспокоенно, не обиженно. Тапёр видел, как побледнело лицо проповедника, а от виска вниз струйкой потёк пот.

— Если нужна моя помощь.

Уильямс покачал головой.

— Всё в порядке. Просто мне надо отдохнуть. Вы оказали моему знакомому услугу.

Надеюсь, у нас будет возможность продолжить знакомство.

Тапёр сверкнул зубами в улыбке.

— Обязательно. В Санта Цело поезд в любом случае застрянет. Пока найдутся новые машинисты, пока утрясут все бумажные вопросы. Парой дней не обойдется. Но не буду вас больше задерживать, отче.

Джозеф с благодарностью кивнул Грею и направился к своему вагону.

Мортимер спал. Перебинтованная грудь равномерно поднималась и опускалась. Что ж, чудо свершилось. За него полагалась расплата. Заняв своё место, Уильямс извлек на свет почти опустевшую бутылку виски. Боль накатила снова. Где-то глубоко в ней таились призрачные голоса. Ждущие, потирающие свои призрачные руки в предвкушении. Вот, сейчас Уильямс приложится к стеклянному горлышку, впустить обжигающую жидкость внутрь своего тела. Её так мало, что проповеднику не удастся заглушить мерзкий шепот внутри себя. Все старания Уильямса уйти от них окажутся напрасными.

Проповедник засунул плоскую бутылку в саквояж, следом отправилась почти опустевшая фляжка, крепко сжал в руках дорожную библию. Не сегодня. Сегодня виски пойдет только на телесные раны. Пальцы быстро пробежали по страницам, отыскивая нужные строки.

Читая пятидесятый псалом, Уильямс чувствовал — боль прячется под тяжестью. Она не исчезала полностью, но давала возможность провалиться в тяжёлый сон, возможно даже без сновидений.

Свисток из кабины машиниста и толчок тронувшегося с места поезда, Джозеф воспринял уже как часть своего сна.

Колеса вновь размеренно отбивали ритм по рельсам. Поезд шёл не так быстро как прежде — всё же кондуктор не рисковал сильно разогреть котёл. Тем не менее, место случившейся трагедии оставалось позади. Теперь о ней напоминала истоптанная копытами коней земля. Пройдет несколько дней и эти следы исчезнут совсем. Прерия знала — случившееся на её просторах событие способно оставить шрамы только лишь на сердцах людей.

Мортимер поморщился, просыпаясь. Его рана оказалась на удивление лёгкой. За это маршал благодарил Бога и свой значок. Руки тапёра, по имени Акс Грей, оказались гораздо не только стучать по клавишам салунного пианино. Тапёр ловко заштопал его, после того, как извлёк пулю. Однако, рана была свежей и периодически заявляла о себе. Конечно, ей легко было выгнать законника из чуткого сна.

Устроившись поудобнее, он окинул взглядом вагон.

Все сидели хмурые. Пережитое нападение, хоть и не было из ряда вон выходящим событием, наложило отчётливый отпечаток на людей.

Дуглас задумался. Банда мексиканцев, часть из которой он успел отправить к высшему судье, вполне могла позариться на обычный поезд. Таким за глаза хватит кошельков и украшений, отобранных у пассажиров. Однако стрелявший в маршала бандит — этот совсем из другой породы. И второй тоже. Пока тапёр пользовал его, Дуглас расспросил Уильямса.

Проповедник оказался весьма наблюдательным и смог достаточно подробно описать главарей налётчиков. Этих двоих законник уже видел. Мельком, но Мортимер даже не сомневался в этом. Как там их назвал проповедник? Да, точно, Джек и Джеб. Эти двое вышли из дверей почтовой станции в Перекрестке Стоуна.

Мортимер знал эту породу людей. Такие не станут размениваться на заурядное, тут

маршал саркастически хмыкнул, ограбление поезда. В Санта Цело надо будет расспросить кондукторов, возможно, проверить почтовые бумаги.

Ганфайтеры могли устроить налёт из-за чего-то конкретного. Или же у них банально закончились все деньги — внутренний голос решил поиздеваться над законником. Ладно, будет ещё время на споры с самим собой. Дуглас решил отложить размышления до города.

Почувствовав рядом движение и услышав невнятное бормотание, Мортимер обернулся в сторону источника звука.

По лицу проповедника катились крупные капли пота. Тяжёлый, неприятный сон, скорее даже забытье, кривил его брови и губы. Бормотание стало громче и, прислушавшись, Дуглас разобрал слова «Отче наш» — Уильямс молился. Что-то во сне Джозефа заставляло его защищаться молитвой. Руки проповедника бессознательно шарили вокруг в поисках дорожной библии.

Маршал протянул руку и потряс Уильямса за плечо. Он стремился разбудить соседа, вырвать того из кошмара.

Джозеф вздрогнул всем телом. Его рука метнулась вверх, сжимая запястье Дугласа крепкой жесткой хваткой. На мгновение Мортимеру показалось — проповедник попытается её сломать. Маршал напряг мышцы, стремясь избежать этого.

Глаза проповедника открылись. Он смотрел на законника мутным взглядом человека находящегося одновременно в двух мирах — реальном и мире кошмарного сна. Потом он перевел взгляд на руку маршала, крепко зажатую в его ладони.

— Вы метались во сне, — спокойно произнес Мортимер. — Я посчитал за лучшее разбудить вас.

Уильямс расслабился, отпуская запястье маршала.

— Дурной сон, — ответил он. — Такое иногда бывает.

Дуглас кивнул, соглашаясь.

— Сегодняшние события вполне располагают к подобным снам. Подозреваю — вы не окажитесь единственным, кто будет плохо спать. И не только сегодня.

— Господь способен дать утешение в любой беде.

— Вы правы, отче. Вы будете удивлены и вполне вправе послать меня куда подальше, — Мортимер замолчал.

Уильямс ждал. Он был почти уверен в следующих словах маршала. Пока ещё не имея представления, почему и для чего произошла сегодняшняя встреча, проповедник догадывался, что должно последовать за ней.

— Мне кажется, — продолжил Дуглас, — наше знакомство и события, сопроводившие его, это начало пути. Какое-то время нам придется помогать друг другу.

Джозеф кивнул. В этом законнике действительно ощущалось что-то очень похожее на часть самого проповедника. Ту самую часть, ставшую его билетом до миссии Сан Мигель. Скорее всего, Мортимер осознавал это иначе. Не так, как воспринимал сам Уильямс. Возможно, маршал называл подобные вещи интуицией, или чутьём. Во всяком случае, ухмыльнулся про себя Джозеф, кошмары подобные кошмарам проповедника, Дугласа не донимали.

— Курия направила меня для прохождения службы в миссию Сан Мигель. Это на востоке.

Зрачки Мортимера немного расширились. Вот как, значить чутьё его действительно не подвело.

— К северу оттуда лежат руины Блэкрока. Неприятно место, отче. Знаете, что действительно можно назвать странным — мне необходимо попасть в те места.

Если вы житель фронта, места мало затронутого цивилизацией, то прибытие поезда в ваш город — наверняка целое событие. Почта и сплетни, знакомые и близкие, возвращающиеся домой, новые лица. Стоит заметить, это не дилижанс. Куда там, это несравненно большее. Ко всему прочему, этот грохочущий, дымящий железный монстр, сам по себе вызывает массу впечатлений. У всего взрослого населения города. Что уж говорить о детях.

Для этих мест Санта Цело считался довольно крупным городом. Здесь сходились две железные дороги. По одной из них двигался поезд с Уильямсом и Мортимером. Вторая тянулась в город с запада, со стороны Вудс Энда. Дальше они объединялись и, уже одной железной дорогой, путь продолжался на восток.

В окружающих город горах велась добыча руды. Иногда, говорили, находили даже золотые самородки. Недостаточно много, что бы сюда ринулись толпы старателей, охваченные жаждой золота. Зато поддержать интерес к городу этого хватало.

Добавьте сюда кое-что ещё. В городе был бордель. Весьма хороший, если судить по рассказам. Слухи об умелицах мадам Зизи расходились по всему фронтиру.

Рассказывая о заведении своим попутчикам, Акс Грей подмигивал, и шевелил своими музыкальными пальцами, пытаясь передать всю эмоциональную насыщенность услышанных им слухов.

Он? К сожалению, еще не бывал там. И да, это одна из причин, по которой он решил вновь побывать в Санта Цело. Зубы Грея сверкнули в улыбке.

К другим примечательным местам города была небольшая застава военных. Отряд кавалерии располагался в Санта Цело постоянно, вместе с небольшим отрядом рейнджеров. Эти отряды пришлось организовать после нахождения в горах, пусть и маленького, месторождения темного минерала.

Поначалу все оказались в восторге от этой новости. Зато после событий в Блэкроке местные жители стали радоваться скудности их жил.

Окружающие Санта Цело горы сковывали городок в развитии, но давали определенное преимущество при защите.

Благодаря всем этим обстоятельствам Санта Цело оказался весьма шумным и переполненным городом. И, естественно, на вокзал собралась уйма народа.

Уильямсу и Мортимеру пришлось потолкаться, прежде чем они смогли выбраться на свободное место, уже за пределами вокзала. Маршал не стал задерживаться для объяснений с начальником станции. Он решил отправиться напрямую к командиру отряда, расквартированного в городе.

Джозеф собирался посетить местную церковь. Нанести визит вежливости и узнать новости относительно цели своего пути. В Санта Цело собиралась информация и почта, идущая с востока, так что Уильямс вполне мог рассчитывать на относительно свежие новости из Сан Мигеля.

Подъезжая к городу, маршал и проповедник узнали, где можно остановиться. Их новый знакомый, Акс Грей, оказался хорошо осведомленным об имеющихся в городе заведениях и их качестве.

Грей посоветовал «Меблированные комнаты Харкера». Хозяином там был англичанин. Довольно педантичный в исполнении своих обязанностей. При этом весьма умеренный в

своих аппетитах.

Акс отзывался о «Комнатах», как о хорошем и недорогом заведении. Расспросив Акса, как найти эти самые «Комнаты», маршал и проповедник договорились встретиться там, после завершения всех своих дел.

В церкви царила прохлада. Шагнув внутрь и сняв шляпу, Джозеф ощутил знакомый запах ладана и плавящегося воска. Людей оказалось мало. Одна женщина в траурной вуали стояла возле статуи Божьей Матери, оперев сложенные в молитве руки на специальную скамеечку. Пара служек проверяла масло в лампадах и протирала рамы икон.

Священник, в сопровождении дородного джентльмена, шел вдоль рядов скамеек к выходу. Мужчина вполголоса говорил о чём-то со священником. У входа джентльмен поблагодарил своего сопровождающего и, водрузив на голову котелок, вышел на улицу. Отвернувшись от дверей, священник заметил Уильямса, стоявшего возле чаши со святой водой. Мужчина подошел к нему, что бы поинтересоваться.

— Могу ли я чем-то помочь?

Священнику Санта Цело было около сорока лет. Худощавый, с широкими и крепкими руками. Взгляд открытый и вполне приветливый. Одновременно с этим, этот взгляд внимательно изучал отца Уильямса. Неназойливо, но, вместе с тем, вполне профессионально, этот взгляд оценивал чувства и мотивы человека, общающегося с местным служителем церкви.

Уильямс задумался. Ему вовсе необязательно было приходить сюда, чтобы засвидетельствовать свое почтение священнику Санта Цело. Каких-либо писем ля него проповедник не вёз. И все же, после случившегося в дороге, Джозеф считал правильным сообщить, что у местной церкви вполне может прибавиться хлопот по погребению усопших.

— Возможно, — произнес он. — Меня зовут Джозеф Уильямс. Я направляюсь в миссию Сан Мигель. К большому сожалению, в пути случилось несчастье. На наш поезд напали налётчики. Многие пассажиры погибли. Я прочёл необходимые в подобном случае молитвы, но думаю, что обряд и погребение лягут на церковь вашего города, уважаемый.

Священник внимательно слушал Уильямса. Взгляд оставался спокойным, хотя в нём читалась печаль, вызванная принесенным проповедником известием о гибели людей.

— Вы правы, — произнес мужчина, помолчав несколько секунд. — Если их тела доставили в город, то на мои плечи и плечи моих помощников ляжет скорбная обязанность предать тела усопших земле, а их души попытаться отправить на небеса.

Джозеф кивнул и стал поворачиваться к выходу из церкви. О чём еще говорить с коллегой, проповедник не знал. Однако, священник остановил его.

— Отец Уильямс, — сказал он, — я бы хотел поговорить с вами. Так уж случилось, что я немного знаю о вас.

Джозеф прищурился. Он никогда не бывал здесь. Даже когда служил офицером кавалерии. Что уж говорить о его службе церкви. Он не мог также припомнить ни одного знакомого, кто оказался бы родом из этих мест.

Священник улыбнулся, полностью понимая замешательство, смешанное с недоверием, собеседника. Улыбка оказалась хорошей — она сглаживала черты лица, делая их более мягкими, в ней отсутствовала фальшь и выверенность. Улыбка была настоящей, искренней.

— Пару месяцев назад епархия направила священникам нашего штата ряд писем. Помимо прочих указаний и пожеланий, среди них была информация о скором назначении нового настоятеля миссии Сан Мигель.

Джозеф помрачнел. Выходит, его назначение было продуманно и решено так давно.

Впрочем, это его не удивило, всё, так или иначе, шло к этому. Больше тревоги вызывали размышления о том, что руководители епархии рассказали о нём и зачем сделали это. Тем более заранее. В каком свете они выставили отца Уильямса?

Если епархия потратила много сил на такую работу, Джозефу будет очень тяжело вести проповедническую деятельность, или заниматься делами миссии не встречая сопротивления. Репутация, созданная ему кардиналами, вряд ли была хорошей.

Однако не стоило изливать своё недовольство на первого встречного. Кроме всего прочего, Джозеф мог и ошибаться в своих суждениях, или мотивах священника. У него вполне могли оказаться дела к кому-то в Сан Мигеле.

— Я могу вам чем-то помочь?

Джозеф повторил первые слова священника. Правда, он не сумел в полной мере совладать со своим тоном — его слова прозвучали натянуто, выдавая чувства, охватившие проповедника.

— О да, — священник вновь улыбнулся, на этот раз грустно. — Вы правы в своих подозрениях. В этих письмах оказалось весьма мало хорошего. Помимо вашего пагубного пристрастия к виски, наше руководство описало и многое другое. Вещи, подобные описанным в этих письмах, легко создают соответствующую репутацию человеку. Особенно быстро среди малограмотного, но весьма суеверного населения.

Уильямс внимательно слушал говорившего. Развернуться и уйти он мог в любой момент. Однако в его сторону не летели оскорбления, или упрёки. Тон собеседника не был презрительным или обвиняющим. Он просто подтвердил опасения проповедника, прочитав каждое на лице Джозефа.

— Ни в коей мере не хочу принижать значимость наших высоких пастырей и наставников, — продолжил священник, делая шаг вглубь церкви, приглашая Джозефа последовать за ним.

Косые лучи света падали на ряды скамеек, мимо которых проходили два священника. Пламя свечей, стоявших на подставках возле икон, легонько подрагивало от сквозняка. Проповедник ощущал покой. Лики святых, смотрящие на него с икон, были понимающими, прощающими.

Священник остановился возле кафедры. Сняв лежащую на ней библию, он поправил разноцветные закладки, отмечавшие выбранные для проповеди моменты. Секунду или две он подержал книгу открытой, а потом аккуратно закрыл её, вернул на место.

— Кардиналы, руководство курий. Они живут там, где свет веры в полной мере разогнал тьму. Не стану говорить, что в тех местах наступил покой. Души людские продолжают нуждаться в постоянном присмотре пастырей, избравших своей дорогой служение Богу. И все же, места, где есть большое количество церквей, наполненных священниками, зачастую в большей безопасности, чем отдаленные регионы страны. Здесь мы каждый день вынуждены вступать в борьбу как с видимым и понятным врагом, та и с врагом невидимым. Люди, живущие в наших местах, привыкли верить — в какие бы одежды не одевался враг невидимый, он всегда преследует одну цель. Цель эта — личная выгода.

Священник обвел взглядом церковь. Женщина, молившаяся, когда Уильямс входил, поднялась с колен и, перекрестившись, пошла к выходу. Служки, закончив свою работу, скрылись в дверях бокового хода. На какое-то время в церкви осталось всего два человека — Джозеф Уильямс и местный священник.

— А ещё, — продолжил священник Санта Цело, — в городах окраины все всех знают.

Мы поддерживаем друг друга. Смотрим, как растут дети наших соседей. Для каждого из нас горе — потерять близкого человека. Пускай даже соседа. Вы согласны со мной, отец Уильямс?

Джозеф кивнул. Он всё пытался понять, отчего его собеседник столь долго говорит ни о чём. Ему ведь было что-то нужно от Уильямса. В то же самое время, он не мог или не хотел сразу переходить к сути. Видимо все эмоции отразились на лице Джозефа. Священник понимающе кивнул.

— Меня зовут Билл Роббинсон. Я столь увлекся, что даже позабыл представиться Я из многодетной семьи миссионеров. В отличие от других своих братьев, избравших путь солдата, я стал священником и остался в родном городе.

Джозеф наморщил лоб. Фамилия священника пробудила в нём смутные воспоминания. Ещё из армейской службы. Не сказать, что фамилия была совсем уж редкой, или слишком расхожей. Она вертелась в голове проповедника.

— Мой старший брат, — продолжил Билл, — служил в кавалерии. Однажды его командир спас ему жизнь. Отряд попал в засаду, устроенную южанами. Бенджамин ранили, он упал с коня. У южан оказалось преимущество. И в людях, и во внезапности. Отряду брата пришлось отступать. Причем, отступать быстро. Бенджамин готовился к смерти. На поле боя, или в плену — не важно. Подняться он не мог в любом случае. Однако, в тот момент, когда сознание почти покинуло его, рядом резко затормозил конь капитана Уильямса, командира их отряда. Этот Уильямс перекинул Бенджамин через круп своего коня и погнал прочь. Возможно, мой брат где-то преувеличил, но в главном он был уверен.

Джозеф слушал Роббинсона с недоверием. Да, в его военной карьере оказалось немало случаев, когда приходилось выносить товарищей буквально из-под пуль. На себе, или на своем коне. Уильямс никогда не считал это чем-то из ряда вон выходящим. Долг есть долг. Долг солдата, долг командира. В конце концов — долг человека и товарища. И вот сейчас, спустя много лет, он встречает родственника одного из солдат, вынесенного им с поля боя. Встречает в церкви пограничного города, в которую и зашел то случайно. Неисповедимы пути твои, Господи.

— Знаете, Джозеф, — Билл подошел к иконе Божьей Матери, державшей на руках младенца Христа, — преимущество города, в котором сходятся железнодорожные пути — новости стекаются отовсюду. Наша страна огромна. По её дорогам и равнинам путешествует невообразимое количество людей. У каждого из этих путешественников свои истории.

Теперь Уильямс почувствовал — Роббинсон собрался с силами и подошел к тому, о чем хотел сказать.

— Вы вправе не верить, но эти истории создали вам репутацию. Несколько иную, нежели вы сейчас думаете. В ней есть кое-что общее с репутацией создаваемой письмами курии. Но это общее освещено совсем с другой стороны. Поэтому, отец Уильямс, я хочу попросить вас о довольно необычном одолжении. Если вы откажетесь, это будет вполне понятно и никоим образом не повлияет на отношение к вам. Просто, вышло так, что в ситуации, возникшей в Санта Цело, помощь может оказать только человек, обладающий вашими талантами.

Проповедник молчал, вместе с ним молчал и Билл Роббинсон. Его взгляд оставался прикован к образу Девы Марии. Уильямс чувствовал исходившее от него напряжение. Роббинсон ждал ответа. Ждал, заранее готовясь к отказу. Проповедник читал это в позе священника, в выражении его лица.

Где-то прозвучал звук закрываемой двери. Как тихо, спокойно. Странно, Джозеф давно не испытывал настолько отчетливого чувства. Он посмотрел на деревянное распятие с Иисусом, висящее над кафедрой священника. Потом посмотрел в глаза младенца Иисуса на руках Девы Марии. Вы ведь привели меня сюда. Вы хотели, чтобы я вошел в эту церковь. Кто же я такой, чтобы оспаривать Вашу волю?

Уильямс перекрестился, а потом тихо произнес.

— Рассказывайте, отче Роббинсон. Я слушаю вас.

Дугласа здесь знали. Он был, что называется, бродячим законником. Часто путешествовал в погоне за преступниками. Наведывался в самые отдаленные уголки фронта. Такая жизнь способствовала знакомству с различными людьми. В большинстве случаев, знакомыми становились военные, охотники за головами, другие законники. Хотя Мортимер старался не ограничивать круг своего общения. Бывало, после посещения очередного городка, у маршала появлялся кредит в салуне, или местной лавке.

В Санта Цело маршалу уже доводилось бывать, но проездом. Тогда Джозеф не стал даже уходить с вокзала. Пересел на нужный ему поезд и оставил город позади. Он не заходил в салун, не был на заставе, или ещё где-нибудь. Ему просто не хватило бы времени свести знакомство с кем-то из жителей.

Тем искреннее оказалось его удивление, когда его назвали по имени.

Застава кавалерии, как и положено, приветствовала всякого к ней приблизившегося, караульным постом. Часовые оказались в запыленной форме и выглядели довольно устало. Судя по всему, им вскоре предстояло смениться. Однако сил проверить документы Мортимера со всей возможно тщательностью в них хватило. Звезда маршала, конечно, была хорошим пропуском, по мнению часовых. Где-нибудь в кабинетах законников. Здесь же другое — армия.

Дуглас пропускал замечания караульного мимо ушей. Солдат устал, ему стоило расслабиться. Ничего обидного, или оскорбительного, проверяющий документы, сержант себе не позволил. Поэтому маршал терпеливо ждал.

В конце концов, бумаги вернулись на свое законное место во внутреннем кармане, и Мортимер направился к длинному одноэтажному строению в глубине заставы. По словам сержанта, там находился кабинет командовавшего их отрядом капитана.

В отличие от часовых, порученец оказался свеж и бодр. Он сверкал надраенными до блеска пуговицами и сапогами. Выслушав маршала, порученец попросил его обождать, а сам скрылся за дверью, ведущей в кабинет капитана. Пара минут наверняка была в запасе, и шериф подошел к окну, разглядывая заставу.

Прикрывая одну сторону города, лагерь военных был окружен добротным частоколом из массивных, широких в обхвате, брёвен. Заточенные сверху, брёвна представляли собой неплохую защиту от атак индейцев, или небольших банд головорезов, рискнувших устроить налёт.

Оказывать сильное сопротивление серьёзной армии здесь не планировали. В случае необходимости, в задачи гарнизона входило прикрытие отступления по железной дороге.

Конюшни, казармы, бытовые помещения, все размещались по периметру заставы. Часть попала на глаза маршалу, часть из окна оказалась не видна.

Плац был виден. Там крупный сержант средних лет заставлял новобранцев раз за разом вскакивать в седло и тут же спешиваться. Паре солдат не повезло — уставшие от забав сержанта кони взбрыкнули, а их наездники полетели в пыль.

Мортимер быстро скользил взглядом дальше.

Гарнизон не предназначался для серьёзных военных действий. Отразить налёт индейцев? С этим ребята справятся легко. Однако, большинство племен считали горы возле Санта Цело, а, значит, и прилегающую к горам территорию табу. Подобное отношение лучше любого оружия оберегало жителей города.

В отличие от краснокожих, белый человек табу не боялся. Белому человеку всё равно кто, когда, по каким причинам запретил приближаться к этим горам. Если от подобного места доносился, пусть едва уловимый, запах добычи, оно становилось чем-то вроде туши мёртвого бизона для грифов. Желанное лакомство, ради которого можно пойти на всё.

От гор Санта Цело запахло не сразу. Золотые жилы скудны — они не смогли заразить людей золотой лихорадкой. Главным преимуществом стало удачное для железной дороги расположение места. Во время войны Севера с Югом железная дорога сыграла важную роль. Поэтому здесь и оставили небольшой гарнизон — охранять железнодорожный узел.

К этой обязанности добавили ещё одну — поддерживать порядок в городе и окрестностях.

Уже после войны отсюда потянулся сладковатый запах прибыли.

Горы стали табу из-за темного кристалла. Индейские шаманы знали о нём гораздо больше, чем рассказывали. Бледнолицые вовсю наживались на нём, не желая слушать даже той малой части, которую им хотели сказать. А когда есть люди, готовые вкалывать ради заработка, то всегда найдутся люди готовые забрать чужой заработок себе. В случае с выработками Санта Цело, отряда маршалов могло оказаться мало для обеспечения порядка.

— Дуглас, старый злодей!

Дверь распахнулась, выпуская крупного человека в форме со знаками капитана.

— Вот уж кого не ожидал встретить здесь, так это тебя, — человек сгрёб Мортимера в объятьях и похлопал по спине.

Маршал тихо зашипел. Пусть и добродушная, но сильная хватка военного доставила неудобство ране на его груди.

Капитан отстранился и внимательно оглядел Мортимера.

— С каких это пор ты стал столь нежен, Дуглас?

— С недавних, Ван Клиф, — законник потер грудь. — Впрочем, если у тебя есть время, можешь услышать подробный рассказ об этом. Я рад тебя видеть. Действительно рад. И моё шипение вовсе не относится к твоей физиономии, старый медведь.

— Надеюсь, — Ван Клиф сделал знак рукой, стоявшему за его спиной, порученцу. — Можешь быть свободным.

Тот щелкнул каблуками, отдал честь и проворно скрылся из виду.

— Плут тот ещё, — добродушно проговорил капитан, кивнув в сторону скрывшегося солдата. — При этом весьма сообразительный парень. Проходи Дуглас. Сильно сомневаюсь, что ты оказался в наших местах только ради встречи с другом детства.

— Считаешь, мои дела могут помешать узнать, как мой друг детства стал капитаном здешнего гарнизона? — Мортимер прошел в кабинет и вольготно расположился в одном из кресел, расставленных вокруг стола капитана.

Ван Клиф, вытащив из-за стола свое кресло, расположился напротив законника. Он уже собирался о чем-то спросить Дугласа, когда дверь вновь открылась, пропуская всё того же порученца. Тот толкал перед собой небольшой столик с тарелками. Дуглас заметил нарезанное мясо и сыр, а так же ломти хлеба. Оставив столик возле беседующих, порученец

вновь исчез.

— Я помешал твоей трапезе?

— Нет, Дуглас. Что ты, — Ван Клиф махнул рукой. — Думаю, мой ординарец оценил твою одежду, то, что ты сказал ему при встрече. После этого, парень пришел к выводу — ты только прибыл в город и ещё не успел поесть. Но, главное, он оценил твоё знакомство со мной, — капитан поднял брови вверх.

— Плут тот ещё, — кивнул законник.

— Солдат он тоже неплохой, — добавил капитан.

— Возможно, тебе виднее. Однако же, должен сказать — еда действительно не помешает.

— И пока она есть, давай, выкладывай причины твоего визита в гарнизон. Готов закладывать свои сапоги и шляпу против пустой бутылки — не из-за меня.

Мортимер взял хлеб, положил на него мясо, сыр, оглядел со всех сторон и принялся жевать.

— Сапоги и шляпу оставь при себе. Мне ты будешь должен только историю о своей карьере.

Законник опустил руку, с зажатым в ней сэндвичем, и серьёзно посмотрел на начальника гарнизона.

— Что касается моей, как ты выразился, нежности — она напрямую связана с плохими вестями. У тебя под боком орудует банда грабителей.

Брови Ван Клифа сходились всё больше и больше. Лицо капитана мрачнело от каждого слова, произнесенного Дугласом. Наконец, он встал и стал расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

Законник продолжал сидеть. Он действительно оказался голоден и не видел причин отказываться от угощения. Рассказ он закончил, теперь вся полнота решений ложилась на командующего гарнизоном Санта Цело. Именно на такие случаи и были расквартированы тут военные.

Решение Ван Клиф принял быстро. Выглянув за двери и громким голосом вызвав порученца, капитан распорядился отправить десяток кавалеристов прочесать окрестности. В случае встречи с бандитами — открыть огонь на поражение. Ординарец отдал честь и быстро отправился передавать распоряжение командира.

Мортимер сомневался, что солдатам удастся столкнуться с напавшими на поезд бандитами. Да, здешние горы вполне могли предоставить им убежище. Значит, капитан правильно поступил, отправив отряд. Однако, скорее всего, это лишь заставит шайку затаиться. Даже если военным и доведется пострелять в мексиканцев, то главных среди них не окажется. Это маршал мог утверждать наверняка.

Проповедник сказал, что тех двоих зовут Джек и Джеб. Джеку Дуглас остался должен.

Законник подробно, насколько мог, описал этих двоих капитану. Ван Клиф долго думал, потирал подбородок, но в конце концов признал — в Санта Цело никогда не видели похожих людей.

— Ладно, — Мортимер встал, чтобы пройтись по комнате и размять ноги. — С плохими новостями мы, так, или иначе, но разобрались. Теперь к хорошим. Точнее — неожиданным. Я хочу знать, как человек, имеющий более чем смутное представление о необходимости подчиняться правилам, человек, с малых лет занимающийся браконьерством, как такой человек стал капитаном военного гарнизона.

Ван Клиф открыл стенной шкаф, извлек оттуда бутылку вина и два широких бокала. Разлив темно-красную, тягучую жидкость, он протянул один из бокалов маршалу.

— Под эту историю лучше всего подойдет это вино. Тёмное, как кровь и крепкое, как жажда жизни.

Дуглас подвигал бокалом, наблюдая за тягучим течением вина по стеклянным стенкам. Хорошее вино. Он бы не удивился, если такой сорт изготовили на винокурне Ван Клифов. Законник помнил, как большие виноградины, сорванные на винограднике семейства Ван Клифов, лопались на языке. Тогда рот наполнялся сладким соком.

Мужчина пригубил вино.

К сладости, оставшейся в памяти маленького Дугласа, примешалась обжигающая крепость порожитых лет законника Мортимера.

Заведение мистера Харкера представляло из себя двухэтажный дом. Комнаты для гостей находились на втором этаже. К ним вела лестница, начинавшаяся в общем зале. Грей говорил правду — комнаты оказались аккуратно убраны, общий зал заполняла вполне приличная публика.

Открыв дверь, ведущую внутрь здания, Мортимер прищурил глаза. После слабоосвещенной улицы, свет керосиновых ламп, подвешенных на большие деревянные колеса под потолком, слегка слепил.

Задерживаться на пороге законник не стал — не торопясь направился вглубь помещения, попутно осматриваясь по сторонам. Несколько военных в увольнении, беседующих за порцией жаркого. В одном из углов сидела компания бизнесменов, посверкивая золотыми цепочками карманных часов. Не все из них были местными, но, наверняка, каждый из гостей приезжал в город регулярно. У стойки стояли люди попроще — коммивояжер, пара старателей.

Дуглас кивнул в ответ на поднятую в приветствии руку тапёра. Акс был здесь и беседовал с хозяином гостиницы.

Джонатан Харкер перешагнул через пятый десяток, но оставался крепким мужчиной с цепким, оценивающим взглядом. Густые, пышные бакенбарды, в которых седина только разбавляла черноту волос, полностью компенсировали его лысый череп.

Мужчина за стойкой повернулся к вошедшему всем корпусом — изучая, чего можно ждать от нового гостя. По важному кивку законник решил, что Харкер остался доволен результатом.

В ответ на жест хозяина, маршал коснулся полей своей шляпы, а подойдя к стойке, и вовсе снял её, положив рядом.

Пианист подвинулся. Ровно на столько, сколько требовала вежливость, давая возможность Мортимеру поговорить о комнатах. Зная, что проповедник и маршал собрались остановиться здесь, тапёр успел предупредить хозяина о них. Харкер обещал подумать — если гости ему понравятся.

Слушая краем уха беседу маршала и Джонатана, Грей сделал вывод — по крайней мере, один из возможных постояльцев, старому бульдогу приглянулся. Это должно было повлиять на мнение Харкера о втором.

Акс допил свой виски, оставил возле стакана несколько монет и направился к выходу. Ночь почти полностью опустилась на город. Значит в одном из его уголков засветились окна, прикрытые тяжелыми красными шторами. Заведению мадам Зизи сегодня нужен тапёр — Грей успел это узнать наверняка, обсудив с хозяйкой и оплату. Ему вовсе не помешают деньги. Кому они мешали, скажите? Кроме этого, он вполне мог уснуть сегодня в объятиях большегрудой красотки. Весьма заманчивая перспектива, надо сказать.

На улице, у входа в гостиницу, Акс разминулся с давешним проповедником. Значит, утром он мог рассчитывать на знакомую компанию. Конечно, если девочки мадам Зизи не заставят его задержаться подольше.

Проповедник, Уильямс, вспомнил Грей, задумчиво хмурился. Рассеянно кивнув в ответ на приветствие тапёра, он сразу зашел в гостиницу. Акс несколько не расстроился столь малому вниманию к своей персоне. На ходу вспоминая подходящие мелодии и представляя

как его пальцы, перестав ласкать чёрно-белые клавиши, будут ласкать кое-что не менее, а где-то и более, приятное.

Джозеф действительно почти не обратил внимания на человека, выходявшего из здания. Не коснись тот полей своего котелка, священник и вовсе бы никак не отреагировал. Он обдумывал историю, которую рассказал ему Роббинсон.

Уильямс не смог сразу ответить на просьбу священника. Попросту не знал как. Билл не настаивал. Просто очень просил подумать. Его вера в Джозефа, подкреплённая верой других людей, казалась просто удивительной. Что ж, Фронтир — очень маленький для слухов. Более того, Фронтир оказался ещё и приемлющим всё. Пока происходящее не превращалось в бедствие, конечно.

Всю дорогу от церкви к условленному с маршалом месту встречи, Уильямс продолжал размышлять. Впервые от мыслей он отвлёкся, лишь обнаружив себя за барной стойкой, в обществе Дугласа Мортимера и англичанина с большими бакенбардами, стоявшего с другой стороны этой самой стойки. Джозеф провел рукой по своим собственным бакенбардам, невольно сравнивая их с бакенбардами Харкера.

Англичанин пристально оглядел проповедника. Его глаза изучили, казалось, каждую морщинку на лице Джозефа. Потом Харкер перевел взгляд на Мортимера.

— Договорились, — произнес хозяин гостиницы. — Комната ваша. Ужин вам принесут туда, как вы и просили, а вот завтракать прошу в общем зале. Что касается оплаты — за ночь и завтрак вперёд. До следующей ночи я держу комнату за вами. Однако, если по каким-либо причинам вы не приходите к ужину, я её сдаю.

Джонатан позвал помощника, парнишку лет четырнадцати, и распорядился показать новым постояльцам их комнату.

Направляясь вслед за парнем, законник обратился к Уильямсу.

— Надеюсь, вы не очень расстроитесь, что необходимо делить комнату ещё с кем-то?

Джозеф ответил не сразу. Идя вслед за Мортимером, он думал о промысле Господа путях небес и тех, кому необходимо следовать этими путями, дабы дела Всевышнего стали частью этого мира.

— Мистер Мортимер, я вовсе не против вашего соседства. Ко всему прочему, это даже весьма кстати, — проповедник невесело улыбнулся. — Боюсь, что сегодня я могу вас расстроить. Я заходил сегодня в церковь. У здешнего священника, как оказалось, есть довольно необычная просьба. Выполнить её в одиночку — такое мне не по силам. К сожалению, в городе кроме вас, я не знаю более подходящего человека. Сказать начистоту, я вообще никого не знаю в этом городе. На кого я мог бы положиться.

— Мистер Уильямс, — Дуглас ответил в тон проповеднику, одновременно окидывая взглядом комнату с двумя кроватями, столом и парой стульев, — свою просьбу вы сможете озвучить во время ужина. А после, стоит подсчитать наши совместные расходы на это, хоть и скромное, но ухоженное жильё.

Ужин подходил к концу. Отодвинув тарелку в сторону, Мортимер задумчиво смотрел на проповедника. Тот нервно теребил бакенбарды, чем привел, и без того встопорщенные, волосы в полный беспорядок. Тарелка Уильямса опустела едва ли наполовину. Проповедник больше говорил, чем ел. Опасаясь насмешек законника, Уильямс стремился не смотреть в глаза собеседнику.

— Вы всё время отводите взгляд, Джозеф. Может возникнуть впечатление, что вы либо нагло лжете, либо бездарно устраиваете дурацкую шутку.

Проповедник прекратил терзать бакенбарды и взглянул на Дугласа.

— Ни то, ни другое. Я боюсь увидеть на вашем лице полностью обоснованное недоверие. В обычных обстоятельствах мой рассказ должен восприниматься именно так.

По лицу законника скользнуло выражение подтверждающее правоту этих слов.

— Знаете Джозеф, — Мортимер протянул руку к кофейнику, — ваши страхи вполне бы могли оправдаться, но совсем недавно произошло весьма необычное событие. Вы, кстати, сами присутствовали при нём. Хочу, так же, добавить — моя жизнь проходит в постоянных разъездах, бывать приходится в абсолютно разных местах. В таких местах возможно самое невозможное.

— Хотите сказать, что верить мне?

— В той или иной мере. Хотите кофе?

Священник подвинул свою кружку, борясь с желанием влить в напиток изрядную порцию спиртного, а потом продолжил есть. Слова законника подарили ему надежду.

— Что-то произошло в этой брошенной шахте. Как я понимаю, никто не может толком объяснить — для чего туда забралась маленькая девочка, а затем и целая ватага старателей. Но, пусть так.

Уильямс закончил есть и теперь сидел, обхватив руками горячую кружку. Горло обметало сухостью. Часто сглатывая, проповедник вновь подумал о том, что сможет помочь избавиться от этой сухости. Уильямс глотнул кофе, стараясь отогнать мысли о виски.

— Скажите, Джозеф, — продолжил Мортимер, — вы знали, что в Санта Цело есть выработки темного минерал?

— Откуда? Эта часть страны вполне способна удивить меня.

— Я тоже, — задумчиво проговорил маршал. — Узнал только сегодня, от друга детства. Как оказалось, он командует здешней заставой.

— Неисповедимы пути Господа нашего.

— Да, отче, вы правы. Я помогу вам. Моё чутьё просто воеет от желания увидеть «колышущуюся тьму». Что, вы сказали, произошло с девочкой?

— Пальцы стали гибкими, словно лишились костей. Мне приходилось сталкиваться с подобным, ещё во время службы в кавалерии.

Дуглас сдвинул посуду, протерт стол, потом положил на него свои револьверы, извлек принадлежности для чистки оружия.

— Влияние минерала. Значит, шахту забросили не из-за истощения жилы. Скорее наоборот — жила оказалась очень крупной. Такое может объяснить вашу историю. В Блэкроке ходили похожие слухи перед тем событием.

Уильямс наблюдал за движениями законника. Вот маршал проверяет стволы, прокручивает барабан, прислушиваясь к звуку работающего механизма. Для самого проповедника этот ритуал остался в прошлом, но он помнил каждое движение, каждый звук. Джозеф Уильямс мог с уверенностью сказать — с оружием маршала всё было в полном порядке.

— Однако же, Джозеф, кроме вашей веры, стремления помочь ближнему и моих револьверов, нам понадобится помощь проводника. И я бы не отказался от ещё одного спутника. Было бы замечательно, окажись нас четверо.

Уильямс поднес руку к затылку. Знакомая тяжесть зарождалась внутри черепа. Голосов не было. Пока что не было. Проповедник молча молился Деве Марии, прося уберечь его хоть сегодня.

— Билл Роббинсон...

— Тот самый священник?

— Да, он. Так вот. Билл Роббинсон обещал помощь в лице индейца по имени Канги. Это хороший следопыт. Канги хорошо знает здешние горы и не боится табу.

— Угу, — Дуглас стал вкладывать в барабан патрон за патроном. — Можно ли из этого сделать вывод, что он бывал раньше в этой пещере?

Джозеф кивнул.

— Ну, что же, мистер Уильямс, — маршал вернул револьверы в кобуры, — три человека, это лучше чем два. Главное, чтобы этот индеец оказался мудрым вороном, а не каркающим.

Облегчение нахлынуло на проповедника тёплой волной. Джозеф боялся, что придётся спускаться в пещеру в сопровождении одного лишь Канги.

— Ложитесь спать, отче. Для каждого из нас это оказался крайне насыщенный день, и что-то мне подсказывает — завтра не уступит сегодня.

Засыпая, Уильямс всё-таки слышал голоса. Не заглушенные спиртным, они, тем не менее, словно говорили издали. Голоса демонстративно шептались между собой. Предвкушали скорую встречу с их старым добрым другом — Джозефом Уильямсом. Мысленно проповедник вознес молитву, и голоса отступили. В их затухающем шепоте слышалась зловещая радость.

Дугласа Мортимера голоса не тревожили. Законника занимала череда случайных событий, плотно сплетающихся в тугую прочный канат. Погоня за Скарфоро, Перекресток Стоуна, проповедник и его просьба. Сегодняшний разговор с Ван Клифом. Всё, так, или иначе, связано с тёмным минералом.

Интересно, подумал маршал, а впишется ли сюда тот тапёр, что извлёк из него пулю? Для него наверняка заготовлено место в цепи происходящих событий. Равно так же, как нашлось место для друга детства Мортимера, Ли Ван Клифа, назначенного присматривать за несколькими выработками проклятой руды. В том числе и в заброшенной не так давно пещере Каменного змея.

Волосы Сью, прозванной здесь Малышкой за невысокий рост и большие распахнутые глаза, напоминали ухоженную овечью шерсть. Светлые и жесткие, они свивались в маленькие колечки. Грей задумчиво перебирал эти колечки пальцами, выпрямляя на секунду. Волосы, выскользнув из пальцев мужчины, вновь принимали свою первоначальную форму. Сама Малышка Сью посапывала у него на груди, прижавшись голым плечом и обняв тапёра одной рукой.

Прошедшая ночь оказалась просто отличной. Первую её половину Акс развлекал гостей заведения музыкой. Вторую, он провёл в жарких объятиях Сью. Девушка была в восторге от искусных пальцев Акса. В свою очередь, Грей остался полностью удовлетворен искусством самой Малышки. Приятно утомленный, Акс быстро провалился в сон. Девушка уснула чуть позже, поглаживая спящего тапёра и предаваясь чувственным мечтам.

Осторожно выбравшись из объятий спящей девушки, Грей собирался потихоньку выскользнуть и из постели, когда в коридоре громко хлопнули двери, почти сразу за этим раздался женский визг. Высокий, испуганный, этот визг в одно мгновение всполошил всё заведение мадам Зизи.

Малышка Сью проснулась, заморгала своими большими глазами. Ещё сонная, она потянула покрывало вверх, прикрывая своё обнаженное тело от взгляда мужчины.

Акс не обратил на неё никакого внимания. Защелкнув пояс на штанах, он, в майке и босиком, выскочил в коридор. Пока Акс одевался, дом наполнился криками. К большой досаде тапёра, крики были далеко не радостными. Чёрт бы побрал тех двоих у поезда! Накликали-таки беду.

По коридору, в сторону лестницы на первый этаж, неслись перепуганные девочки мадам Зизи. Следом за девочками бежало несколько клиентов. Акс посторонился, пропуская лысоватого джентльмена в кальсонах. Тот прошмыгнул мимо тапёра с совершенно безумным видом — остатки волос торчали на голове дыбом, глаза округлились на половину лица, а губы дрожали в попытках выдавить хоть одно слово.

Лавируя между охваченными паникой людьми, Акс направился в противоположную от лестницы сторону. Тапёр попытался задержать рослого мужчину. Тот имел внушительный вид бойца, но, сбросив с себя руку Акса, предпочёл сбежать от источника переполоха, как и все до него. Увидев этот источник, Грей признался себе — стоило последовать примеру уже сбежавших людей.

Самая дальняя в коридоре комната оказалась открытой. Выбитая дверь косо висела на одной уцелевшей петле. В коридоре, перед дверью, стояла гротескная фигура.

Верхняя часть оставалась человеческой. Грей даже вспомнил имя — Молли Рей. Пышногрудая брюнетка с длинными волосами. Вчера она смеялась глубоким искренним смехом, хлопала по излишне ретивой руке своего клиента, торопящегося раньше срока подобраться к прелестям девушки. Сегодня всё оказалось иначе.

Клиент Молли стремился убраться как можно дальше от вчерашней любовницы. Его синее лицо отражало крайнюю степень ужаса. Скрюченные пальцы мужчины бессильно скребли зелёное лоснящееся щупальце, обвивающее его горло толстой змеей. Грей разглядел присоски, похожие на маленькие жадные рты, впивавшиеся в кожу мужчины. Эти присоски мерзко шевелились, наливались цветом, выкачивая из человека кровь, лишая того жизни.

Самым омерзительным в этой сцене оказалось то, что щупальце было частью женщины. Ещё пять, или шесть таких же щупалец удерживали тело Молли в вертикальном положении.

Акс поблагодарил Бога, что остатки ночной сорочки женщины прикрывали то место, где человеческая плоть превращалась в проклятую мерзость.

Удерживаемое щупальцем тело обмякло. Руки, ставшие похожими на руки тряпичной куклы, стукнули об пол. Из рта трупа вывалился язык, а кожа стала полностью бледной. Щупальце отпустило жертву, подтянулось к остальным. Голова Молли всё ещё оставалась склоненной, словно женщина изучала тело, бывшее недавно её любовником.

— Акс, что происходит? Я выглянула в окно, а там.

Малышка Сью стояла на пороге их комнаты. Девушка успела надеть кое-что из одежды. Она зевнула, прогоняя остатки сна, и посмотрела вдоль по коридору.

Грей толкнул Сью в комнату в тот момент, как визг девушки сумел прорваться сквозь её горло, стиснутое спазмом страха. Хлопнув дверью, Грей крикнул.

— Запрись!

Тихо стукнула щеколда. В голове Акса мелькнула мысль — вряд ли этой хлипкой штуке под силу удержать тварь. Впрочем, главное девушка не мешается под ногами.

Молли вскинула голову, подалась вперёд. Щупальца задрожали, их концы задвигались.

Акс поймал взгляд женщины и до скрипа сжал зубы. Глаза оказались абсолютно разными. В теле проститутки жили два создания. Одним была обезумевшая от ужаса женщина. Она не понимала, что происходит. Второй сущностью было нечто тёмное. Изломанное, покореженное злобой и жутким голодом. Эта вторая сущность быстро поглощала Молли, полностью беря под контроль изменившееся тело.

Тапёр медлил. Мужчине было важно, чтобы тварь бросилась именно за ним, а не стала ломиться в комнату Сью. Пока в теле Молли заканчивалась борьба между человеческим и тёмным началом, надо оставаться на месте.

Вот, слёзы, текущие из глаз женщины, разом высохли. Человеческое сознание покинуло взгляд существа. Акс приготовился. Лестница на первый этаж находилась совсем рядом.

Тварь бросилась в сторону человека. Щупальца зазмеились по полу, быстро подтягивая существо вперёд.

Акс зашлёпал босыми ногами по ступеням. Придерживаясь руками за перила, он перепрыгивал сразу несколько. Дерево неприятно било по босым ступням.

Молли не стала преследовать Акса по ступеням. Для её изменившегося тела это оказалось слишком сложно. Постояв секунду, или две у верхней части лестницы, существо оплело своими щупальцами перила.

Акс почувствовал дрожание лестницы уже у самого низа. Грей бросил взгляд назад. В голове мелькнуло — вот бы строители оказались халтурщиками. Ударившись ногами о доски пола первого этажа, Грей с иронией ухмыльнулся. Вчера он лично восхищался толщиной и прочностью этой самой лестницы. Даже шутливо пошлил насчёт трёх наиболее внушительных девиц мадам Зизи. Одна из них потребовала на деле доказать слова Грея.

Может, стоило это сделать? Глядишь и ушатали бы лестницу. Тогда у этой твари не получилось бы так легко спуститься вниз.

Акс быстро осмотрел помещение в поисках чего-то похожего на оружие. Ничего.

Молли скользила по столбикам перил. Щупальца ловко обхватывали резное дерево, змеились от одного столбика к другому. Существо отставало от человека только на пару мгновений.

Туша Молли переместилась на пол. Щупальце метнулось в сторону Грея.

Акс бросился к ближайшему окну. Мерзкий отросток едва коснулся штанины человека. Маленькая зубастая пасть в центре присоски обиженно чмокнула.

Окно занавешивала большая красная портьера. По утреннему времени, занавесь была опущена, тщательно скрывая комнату от взглядов с улицы. Грей очень надеялся, что ткань хотя бы частично уберёжёт его от порезов.

Закрыв голову руками, спрятав лицо, Акс плечом влетел в гордость заведения мадам Зизи — окно в полный рост человека.

Стекло со звоном лопнуло. Множество мелких осколков брызнуло на дорогу. Акс сделал пару шагов, стараясь избежать оставшихся, особо больших, кусков стекла. Те угрожающе качались в раме, готовые рухнуть на вандала.

Улица оказалась пуста. В городах фронта умели быстро прятаться. Деревянные стены домов представляли собой какое-никакое укрытие.

Если только опасность находится снаружи. А если она уже внутри дома? Акс надеялся, что сбежавший, почти в полном составе, публичный дом, сейчас торопиться к местному представителю закона и порядка.

Ну, хоть бы один любопытный высунулся наружу.

У коновязи, на противоположной стороне улицы, заржала лошадь. Животное задергалось, попыталось встать на дыбы.

Акс ничком повалился на землю, перекатился в сторону. В открытые участки тела впились мелкие камушки. Грей почувствовал, как осколки стекла вонзаются в кожу. Только не лицо и руки! Только не лицо и руки!

Похоже, ангел-хранитель смазливых тапёров сегодня оказался поблизости. Руки остались целы, лицо тоже.

Кровоточили плечи, да неглубокие порезы на ногах. Это мелочь.

Акс почти вскочил на ноги, когда толстое щупальце обвилось вокруг его пояса.

Тварь, бывшая местной проституткой, выпрыгнула следом за своей намеченной жертвой. Существо повезло меньше чем тапёру. Шатающийся осколок отломился, упал вниз. Острые края разбитого стекла оставили на спине Молли глубокий порез, распоролы остатки сорочки. Молли взвизгнула, боль ещё больше озлобила её. Она метнулась к человеку, оттолкнувшись от земли сразу всеми щупальцами. Твари хотелось схватить жертву, вцепиться в неё сразу всеми жадными ртами.

Человек упал — Молли приземлилась чуть в стороне от перекатившегося Грея. Но отпустить еду, Молли не собиралась. Отпущенная Аксу удача заканчивалась.

Первое щупальце обвилось вокруг тела человека. Второе дернуло руку Акса, жадно впиваясь зубастыми присосками в запястье. Голод, жажда, боль в покалеченной спине делали тварь неистовой.

Грей хотел жить. Он изо всех сил пытался вырваться из обвивших его щупалец. Молли тянула к себе, Грей сопротивлялся.

Мужчина чувствовал, как захваченная щупальцем рука холодеет. Пальцы немели, лишаясь притока крови. Совсем скоро сознание скользнёт в черноту беспомыслия и всё — конец.

Левая рука впивалась пальцами в землю в надежде оттащить тело прочь. Шарила вокруг себя в поисках камня, да хоть чего-нибудь. Мимо проскакала лошадь с безумными глазами. Оборванные удила болтались сбоку.

Молли отвлеклась на животное. Слишком близко оно проскакало.

Что это было — случайность, или проведение? Акс не стал тратить время на размышления. Лишние секунды дали ему возможность нащупать длинный осколок стекла.

Акс сжал осколок. По стеклу тут же заструилась кровь. Боль поселилась в пальцах левой руки, но время для сожалений прошло. Только бы выжить! С этой мыслью Акс воткнул осколок в обвившее его щупальце, повёл в сторону.

Плоть оказалась жёсткой и упругой одновременно. Осколок рассек её, но с трудом.

Охваченную другим щупальцем руку дёрнуло — Акс сильнее надавил, загоняя импровизированный нож глубже.

Молли завывла. Щупальца отпустили Грея. Отпрянули прочь, пачкая мужчину вонючей чёрно-зеленой жижей, тянущейся из рваной раны. Акс поторопился отскочить подальше от твари.

Сколько у него времени? Секунда? Две? Тварь быстро придет в себя. Акс вновь бросил взгляд по сторонам, начиная ощущать отчаяние.

К месту схватки спешили трое. Один из них — на ходу выхватывая револьвер. Другой замер на месте, вскинул к плечу винтовку. Последний из троицы кинулся напрямик к Грею.

Два выстрела прозвучали один за другим. Оба попали в цель. Акс увидел, как одна пуля толкает существо в плечо. Молли слегка развернулась, скорее от неожиданности. Вторая, винтовочная, вонзилась в живот твари. Щупальца задержались, словно ноги пьяного, пытающегося удержаться в вертикальном положении. Молли пошатнулась, но смогла удержать свою тушу, заставив себя стоять прямо.

Новые выстрелы пронеслись над улицей. Новые раны открылись в теле существа. Грей подумал — сколько ещё понадобится пуль, чтобы свалить это отродье тёмного минерала? Много, насколько он помнил.

Понадобилось ещё две. Существо свалилось в пыль. Щупальца слабо свивались и распрямлялись. Пыль вокруг быстро пропитывалась мерзкой жижей, заменявшей твари кровь.

Акс благодарно кивнул отцу Уильямсу. Между первыми прогремевшими выстрелами и моментом, когда проповедник подоспел к тапёру, можно было уместить всю жизнь Акса Грея. Мужчина поднялся, опираясь на руку Джозефа. Хромая, он подошел к маршалу и незнакомому индейцу.

— Сказать, что я рад нашей встрече, значить сильно преуменьшить мои чувства.

— Вам повезло, мистер Грей, — законник спрятал пистолет в кобуру. — Мы как раз встретились с Канги, когда мимо проскочила компания в весьма откровенном виде.

К разговору подключился Джозеф.

— Канги, — проповедник кивнул на индейца, — оказался весьма любопытным.

— По счастью, он оказался ещё и быстрым.

Акс поморщился, произнося эти слова. Виски, вылитое отцом Уильямсом на его руку, обожгло порез огнём.

— Мы не стали тратить время на расспросы. Толпа полуголых людей — событие для города явно незаурядное.

Тапёр кивнул.

— Вас надо отвести к врачу, — проповедник наскоро перевязал руку Грею чистым платком. — Возможно, придется наложить швы.

— Ерунда, отче.

Грей попытался пошевелить пальцами левой руки. Боль была, но каждый палец слушался его. Акс облегченно хмыкнул — значить, сухожилия целы.

— Вы уверены, мистер Грей, — Дуглас внимательно всмотрелся в лицо тапёра.

Акс убежденно кивнул.

— На мне всё отлично заживает. Сейчас мне необходимы только ванна и чистая рубашка.

— Это хорошо, — медленно проговорил маршал. — Что там, Канги?

Законник обратился к индейцу, успевшему приблизиться к телу, бывшему при жизни Молли Рей. Индеец присел перед трупом на корточки, осмотрел его, но прикоснуться не стал.

— Тёмный камень, мистер Мортимер. Он в кольце девушки.

— И в кулоне, — Акс подошел к индейцу и кивнул на искусно обработанный камень, вправленный в изящное золотое кружево.

Проповедник и маршал так же подошли ближе, но держались чуть в стороне.

— Вам уже доводилось сталкиваться с темным минералом?

Грей досадливо дёрнул щекой.

— Это фронтир, мистер Мортимер. О вещах, подобных этим, узнаешь быстро. Если, конечно, нет желания закончить вот как она.

— Угу, — Дуглас кивнул, скорее своим мыслям, нежели словам Акса. — Преподобный, вы не могли бы проводить женщину в последний путь?

Джозеф кивнул и, приблизившись, стал читать молитву.

— Вряд ли это поможет Молли.

— Молли?

— Она одна из девушек мадам Зизи.

— Была, — уточнил Мортимер.

Грей кивнул, соглашаясь. Теперь о Молли Рей следовало говорить исключительно в прошедшем времени.

В дальних концах улицы появились первые любопытные лица, послышался стук открываемых ставень. Гроза прошла. Теперь жители города стремились узнать, чем всё закончилось.

Джозеф Уильямс произнес последние слова отходной молитвы, осенил тело Молли крестным знаменем и отошел в сторону. Акс отметил отсутствие в движениях и глазах проповедника страха. Священник держался превосходно. Как для человека, воочию столкнувшегося с открытым проявлением тьмы.

Тапёр бросил быстрые взгляды и на индейца, и на маршала. Ему хотелось знать, как они воспринимают происходящее. Теперь, когда исчезла необходимость стрелять, а пришло время думать.

По бесстрастному лицу Канги прочитать что-либо оказалось невозможно. На лице маршала лежала печать задумчивого интереса.

— Канги, — Мортимер посмотрел на индейца, — сколько у нас в запасе времени?

Индеец равнодушно пожал плечами.

— От одного дня, до всей жизни.

Законник криво ухмыльнулся. Аксу показалось — он правильно понял и слова Канги, и ухмылку Дугласа. Следующие слова Мортимера подтвердили его мысли.

— Предпочел бы второе, но, боюсь, оно может быстро сравняться с первым. Жаль, я бы не отказался от помощи мистера Грея.

— О, если вам нужен опытный пианист, или есть нужда вытянуть из кого-нибудь пулю в отсутствии врача.

Мортимер с усмешкой покачал головой.

— Не в этом дело, мистер Грей. Вы ведь уже сталкивались с воздействием тёмного минерала? И да, я помню, что вы говорили о фронтире. Если хотите, можем спросить то же самое вон у тех ребят, что сейчас стараются подойти ближе.

Тапёр не видел смысла во лжи, поэтому просто кивнул.

— Мне не интересно, где и как произошло ваше знакомство с этой язвой нашего мира. Для меня вполне достаточно самого этого факта. Что касается ваших знаний, — Дуглас помолчал. — Они вполне могли бы пригодиться в одном деле.

— И всё, что вас удерживает от делового предложения — моё теперешнее состояние?

Маршал кивнул.

— Я бы добавил сюда, — в разговор вмешался отец Уильямс, — что об услуге нас попросила местная церковь. Вряд ли она сможет выделить дополнительную оплату для мистера Грея.

Акс смотрел, как священник массирует свой затылок. Очевидно, у Уильямса внезапно разболелась голова.

Исходя из слов проповедника, тапёр мог понять, отчего тот согласился ввязаться в сомнительное дело, связанное с тёмным минералом. Учитывая участие в нём индейского проводника, легко предположить, что место, интересующее Джозефа, рядом с городом. Старая выработка, или шахта.

С маршалом дела обстояли интереснее. Что могло подтолкнуть Мортимера помочь проповеднику? Тем более, законник так же получил ранение.

Акс решил — от всего это за милую несёт авантюрой.

Грей опять пошевелил пальцами. Платок неприятно задел порез. Дня два, вряд ли больше, понадобится на полное восстановление.

— Канги, — тапёр обратился к индейцу, — куда ты собрался отвести этих двух бледнолицых?

Индеец не торопился с ответом. Сначала он посмотрел на проповедника, потом перевёл взгляд на маршала. Мортимер едва заметно кивнул.

— В пещеру Каменного змея.

Это абсолютно ни о чём не говорило Аксу. Хоть каменный, хоть аллигатор. Куда как проще, оказалось бы, скажи индеец, что собрался вести людей в старую шахту возле города, или, если угодно, пещеру. Грей сильно сомневался, что украшения Молли приехали с востока.

— Без фонарей и динамита?

— Для чего динамит в пещерах?

Отец Уильямс горестно вздохнул. Здесь, возле искорёженного тела проститутки, он вновь услышал шепот голосов.

— Могу объяснить вам это. У Харкера. Но, только после того, как вы объясните мне суть дела и обрисуете возможный гонорар за моё участие в нём.

— Но ваша рука, — начал, было, Уильямс.

Акс поднял левую руку, перевязанную пропитавшимся кровью платком, пресекая возражения.

— Всё будет в порядке. Если захотите, могу сыграть после получения гонорара.

Грей на секунду задумался, а потом пошел в сторону борделя. Ему хотелось проверить, как там Сью. Заодно, надо было забрать оставшиеся наверху вещи.

На ходу он размышлял, как это он позволил себе ввязаться в авантюру, стоя босиком в уличной пыли и с порезанной стеклом рукой.

Хотя, в этом вполне можно отыскать светлую сторону. Грей открыл дверь в бордель, глядя на разбитое окно. Сквозняк вытянул наружу часть красной занавеси. Он ничуть не изменился за прошедшие годы. Что касается ран — они всегда заживали на тапёре слишком быстро.

Появление в своем заведении краснокожего, Харкер не оценил. Стоял за стойкой и с силой протирал стаканы, бросая хмурые взгляды в сторону дальнего стола. Этот Дуглас поступил разумно, стоит отдать ему должное. В Санта Цело, конечно, господа, вполне себе свободные нравы. Фронтир, переселенцы разные, всё такое.

Здесь от человека требуется соблюдение законов, крепкое плечо, уважительное слово. Перья в волосах, или цвет кожи — нет, это всё второстепенное. На это в наших местах не обращают внимания. Главное — перед глазами не мелькают.

По счастью, время раннее. Посетители к вечеру стягиваться начнут. К тому времени ворона этого здесь уже не будет.

Сумки постояльцам Харкер собирал лично. Сколько-то сушеного мяса, хлеб, сыр. Ни Дуглас, ни этот проповедник, Джозеф, слова не проронили, куда собрались. Это вчера было — сегодня за столом их четверо. Акс Грей, видать, тоже решил в непонятную авантюру ввязаться.

Правда, чего уж тут непонятного? В горы они собрались. За чёрным камнем.

Вчера у Джонатана в голове роились сомнения. Как мухи. Мужчина хлопнул полотенцем по стойке — одна муха осталась лежать на полированной поверхности, другая полетела в сторону открытых дверей. Харкер удовлетворенно кивнул. Сомнения были вчера. Сегодня возле ног Грея лежала небольшая холщовая сумка. Вот из неё-то и торчало подтверждение подозрений Харкера — концы динамитных шашек.

С такими вещами на охоту не ходят. Как и в приличное общество. Завалы расчищать, или ход где пробить. Вот для такого дела шашки эти отлично сгодятся.

Впрочем, Харкеру то, что до этого? Джентльмены сполна рассчитались и за комнаты, и за еду.

Да, вот ещё что. Знакомый офицер из гарнизона проболтался Джонатану — мол, законник этот, друг детства капитана. Может, дело в этом? Ван Клиф решил подзаработать на стороне? Не похоже. Не тот — человек их капитан гарнизона. Для такого он слишком честен. Священник, опять же, не вписывается в такую схему.

Может всё дело в тех слухах, что последнюю неделю упорно ходят по городу? Скорее всего, скорее всего. Если так, то он, Джонатан Харкер, английский джентльмен, так уж и быть, не станет смотреть на стол, за которым топорщатся перья этого ворона — Канги.

Самому Канги терзания хозяина гостиницы оставались абсолютно безразличны. Отчасти, это составляло характер индейца — спокойно воспринимать окружающий мир во всех его проявлениях, не расходуя сил на чувства. Другой составляющей его спокойствия было то же самое, о чём размышлял Харкер — в пограничных землях людей ценили не за цвет кожи. Во всяком случае, не только и ни сколько за него.

Индеец переводил взгляд с одного бледнолицего на другого. Вчера он впервые познакомился с этими людьми. Что касается маршала, надо сказать, он его не разочаровал. Цепкий, уверенный в себе, хорошо стреляет. Ко всему прочему — внутри этого человека тлеет скрытая сила. Вчера они могли пойти в противоположную сторону, выбрать любую другую улицу. Почти все улицы города вели к выходу из него. Они вполне могли выйти немного раньше, или, наоборот, слегка задержаться. Настойчивость Дугласа Мортимера сыграла главную роль в их появлении возле борделя.

Вчера маршал сочинил отличную историю для этого парня, с перевязанными руками, насчёт их любопытства. Как хорошо, кстати, шевелятся пальцы Акса Грея. Сразу и не скажешь, что его руки вчера здорово пострадали.

Как здорово у тапёра подвешен язык! Впору восхититься его красноречием. Хотя, Канги быстро посмотрел на сумку у ног парня, голова у парня работает не хуже языка. Ему самому стоило подумать о динамитных шашках.

Наибольшей загадкой оставался священник. Отец Роббинсон отзывался об этом человеке с большим уважением. Много рассказывал о способностях Джозефа Уильямса. В воображении индейца рисовался едва ли не могучий жрец. Один из тех, кто способен говорить с духами и отдавать им приказы. Реальность оказалась несколько иной. Перед Канги предстал помятый жизнью человек, на лице которого, любой мог прочесть ведущийся тяжкий бой с виски.

Сперва индеец подумал — главная причина участия проповедника заключается в его прошлом и сани. Отцу Роббинсону куда как легче просить об одолжении представителя церкви, чем кого-то из военных. Таковы оказались первые рассуждения Канги.

Когда Джозеф Уильямс начал читать отходную молитву над телом искореженной проклятым камнем проститутки, индеец внезапно уловил нечто ещё. Вокруг проповедника собирались тени. Канги не мог их видеть — такое под силу исключительно жрецам, да и то, теперь далеко не всем. Но чувствовать их своим острым чутьем следопыта — это он мог. Тени пробовали проповедника на зуб.

Хотел ли Канги идти в пещеры с подобным человеком? Об этом индеец не думал. Подобные мысли нарушали его основное правило жизни и отвлекали от главного — цели их пути.

Всему своё время, решил Канги, кивая в ответ на слова законника. У каждого человека своё испытание и свои злые духи. Если у человека сильная сила воли — он справится, выдержит испытание. Если же не справится. В таком случае, у Канги есть винтовка. Ему не раз приходилось пускать её в дело. В таких случаях никакие посторонние размышления не отвлекали его, когда палец плавно тянул на себя спусковой крючок.

— Если всё обстоит так, как говорит ваш знакомый, — Акс откинулся на спинку стула и потянулся, — динамит нам здорово поможет.

— Думаете бросить пару шашек в колышущуюся тьму, Акс? Считаете — она их заглотнет, как сом наживку?

Губы Грея скривились на секунду, будто говоря — что я могу вам сейчас ответить, господа.

— Думаю, на такой исход мы вряд ли можем рассчитывать. Я больше размышлял над возможностью завалить проход в ту сторону.

— Духов это не остановит, — сделал своё замечание индеец.

— Что касается духов. Здесь я целиком и полностью полагаюсь на преподобного мистера Уильямса, — Грей кивнул в сторону проповедника. — Заботиться о духах — прямая обязанность церкви. Я ведь правильно говорю, мистер Уильямс?

Джозеф отпил кофе из большой кружки. Сегодня ночью ему не удалось выспаться. Всё, что он мог — проваливаться в тяжёлую, наполненную жуткими образами дрему.

— Будет правильно говорить — прямая обязанность церкви, это забота о душе, — мистер Грей.

Проповедник несколько раз сглотнул. Кофе сушило горло, вызывало манящие

воспоминания об обжигающем глотке спиртного, стремительно падающего в желудок. Кадык его дёрнулся, словно одно это воспоминание заставило мускулы рефлекторно содрогнуться.

— К чему сейчас спорить, как называть это? Мы в любом случае не знаем с чем столкнёмся.

— Как ваши руки, Грей?

Тапёр посмотрел на Мортимера, потом поставил обе руки локтями на стол. Запястье правой было забинтовано. Ладонь левой также охватывала полоса чистой ткани. Повязки оказались без следов крови.

Грей пошевелил пальцами. Сперва одной руки, потом другой. На левой руке пальцы сгибались немного хуже — не с такой скоростью как обычно.

— Играть буду, но не сейчас, мистер Дуглас.

Маршал кивнул. Соглашался он, видимо, не со словами Тапёра, а со своими мыслями.

— Вы уверены, что это вам не мешает? До пещер мы доберёмся не раньше завтрашнего утра. Короткий срок для пореза.

— Это всего-то левая рука, мистер Мортимер. Чтобы управляться бритвой мне хватит и правой. Но, надеюсь, до этого не дойдет. Сказать по правде, я полагаю большие надежды на ваши пистолеты и винтовку Канги. Думаю, отец Уильямс меня поддержит.

— На динамит вы рассчитываете не меньше, — проговорил Мортимер, задумчиво поглаживая усы. — Как считаете, Джозеф, этого нам хватит?

Уильямс вздрогнул, отрываясь взглядом от полирующего стойку бара Харкера.

— С Божьей помощью, нам достанет сил выполнить задуманное.

Маршал перевел взгляд на Канги. Индеец безразлично пожал плечами. Он и так нарушал множество табу своего народа, собираясь вступить под своды запретных пещер. Чем бы они ни запаслись, этого в любой момент могло оказаться мало. Сила духа — вот чего им должно хватить. Этим бледнолицым. И пусть им всем поможет в этом их распятый Бог.

Озвучивать подобные мысли Канги не стал. Вместо этого он сухо произнёс.

— Нам стоит поторопиться. Эту ночь мы проведём у подножья гор. Возможно, следующую придется провести в старой хижине. Она в паре шагов от входа в пещеру.

Индеец помолчал секунду, потом все же решил мрачно пошутить.

— Это в том случае, если вам не захочется прогуляться в пещеру при свете звёзд.

Санта Цело остался позади. Город и железная дорога отдалялись от них, скрываясь за пылью из-под копыт их коней.

Ван Клиф выделил двух лошадей из своих конюшен. У Канги был свой жеребец.

Джозеф долго присматривался к животным, оглаживал свои бакенбарды, не в силах решиться. В конце концов, он остановил свой выбор на муле, четвёртом ездовом животном, любезно раздобытом Биллом Роббинсоном.

И Грей, и Дуглас любезно уступили право выбора проповеднику. Правда, по разным причинам. Аксу оказалось наплевать, на ком ехать. В определенном смысле, спокойный мул больше подходил сейчас тапёру, чем бьющий копытом жеребец из армейских конюшен. Мортимер держал в уме прошлое Уильямса. Маршал подозревал — проповедник откажется от лошади в пользу мула. Но сразу предлагать такое офицеру кавалерии, пусть тот и сменил форму на сутану, он посчитал унижительным.

Прерия окружала их. Сухая, но не безжизненная. Мужчины видели вилорогов, стремительно убегающих при их появлении. В небе кружили птицы, широко раскинув

гигантские крылья. Один раз, вдалеке, им удалось разглядеть маленькое стадо бизонов.

Уильямс с тоской подумал — этих могучих животных с каждым днём становится всё меньше. Недалёк тот день, когда с последнего в этой стране бизона спустят шкуру. В этом есть и твоя заслуга, Джозеф Уильямс — в голове гаденько пронесся шепот. Быстрым, грязным ветром мелькнул и исчез. Проповедник потянулся к фляге, перекинутой через плечо на длинном ремешке.

До подножья гор их маленький отряд мог добраться немногим после полудня. Не так уж далеко находились нужные им горы от города. Однако, Канги предпочел не торопиться.

— Зачем гнать лошадей? — ответил индеец на вопрос Мортимера. — Мы или успеем, или нет. Во втором случае не имеет значения, где встретаться с порождением тёмного камня.

— А ты, Канги, уже встречался с ними? — Грей покачивался в седле, создавая впечатление далеко не лучшего наездника, или человека страдающего от мелких, но многочисленных порезов, полученных совсем недавно и доставляющих ему массу неудобств.

— Как минимум вчера, мистер Грей, — спокойно ответил индеец.

Тапёр хмыкнул, однако продолжил.

— Из всей нашей, безусловно, многоуважаемой компании, один я плохо осведомлен о причинах этой прогулки в горы. Нет, в общих чертах всё предельно ясно. Однако, подробности, мелкие детали — они, словно украшение мелодии, заставляют песню звучать по-другому.

Теперь настало время индейца хмыкать в ответ.

— О подробностях стоит расспросить мистера Уильямса, — вместо индейца ответил законник. — Его христианская душа откликнулась на зов, стремясь помочь жителям города.

Джозеф не стал напоминать компаньону о его разговоре с капитаном гарнизона. Дуглас не то, что бы отстранился участия в деле военных. Маршал целенаправленно сделал акцент на значимости всей затеи именно для церкви.

— Мистер Уильямс? — Грей перевел взгляд на проповедника. — Можете рассказать, что-то кроме страшных слухов?

— Я бы не стал называть это страшными слухами, Грей, — проповедник проследил взглядом за парой луговых собачек, бросившихся искать укрытие, когда над ними пронеслась тень хищника. — Большая часть вам уже известна. Для жителей города всё, услышанное вами, действительно только слухи. Что касается девочки, очутившейся в пещере каменного змея и для старателей — это страшная реальность.

Проповедник помолчал, посматривая в сторону маршала. Мортимер ударил каблуками в бока своего коня, вырываясь вперёд.

— Мне трудно говорить с уверенностью о причинах, побудивших отца Роббинсона обратиться ко мне. Могу предположить — он не хотел превращения слухов в панику.

Грей понимающе кивнул. Он уже знал — из пещеры вернулись девочка и двое старателей. Последние тронулись умом и больше чем на безумные байки их рассказы не тянули. Девочка осталась под присмотром церкви.

До вчерашнего дня подобную историю вполне можно было держать под контролем — и церкви, и гарнизона. Акс кристально чисто понимал — местный командующий осведомлен о ситуации. Если его не поставила в известность сама церковь, то информацию он получил из другого источника. Тапёр посмотрел в спину едущего впереди Дугласа Мортимера.

— Получается, — подытожил Грей всё ранее услышанное, — девочка, младшая сестра

одного из старателей, обнаружила проход в старой выработке, отправилась вглубь пещер и натолкнулась на колышущуюся тьму. Сколько её не было?

— Сейчас это уже невозможно точно определить, — ответил проповедник. — Когда девочка исчезла, её брат сумел собрать отряд из знакомых старателей, чтобы отправиться на поиски. Но, вот, сколько времени прошло между исчезновением девочки и началом поисков. Её брат мог бы сказать точно, но он пропал, а других родственников у них не оказалось.

— Нашли девочку, — продолжил Грей, — возле этой самой тьмы. И что случилось дальше?

— А дальше, мистер Грей, — в разговор вмешался придержавший коня Дуглас, — началось, примерно, то же самое, чему вы стали свидетелем вчера. Замечу, не только свидетелем, но и участником событий.

— Во многом это догадки, — поспешил добавить проповедник, — со слов девочки и тех кто смог вернуться вместе с ней.

Тапёр задумчиво почесал подбородок.

— Почему тогда так мало людей? Стоило загнать в эти шахты солдат. Взорвать там всё и делу конец.

— Взорвать пещеру каменного змея — оскорбить множество племён в округе. Наши вожди смирились с вашими вагонетками и заступами. Они сказали — духи сами покарают бледнолицых пришельцев. Но если вы попробуете взорвать пещеры — вожди поведут племена на город.

— Это с одной стороны, — поддержал Канги проповедник. — С другой. Ответьте мне, Грей, имеет ли значение количество людей в узком, замкнутом пространстве пещер?

Тапёр решил, что имеет, но минимальное. Джозеф кивнул.

— Если дела обстоят совсем плохо, — продолжил Уильямс, — мы воспользуемся вашим динамитом. Что-нибудь взорвём, но внутри пещер. В ином случае — попробуем тщательно изучить происходящее.

И ведь каждый чего-то да не договаривает, решил Акс. При этом, тапёр уже понял — в трудном деле на каждого из своих спутников, даже на угрюмого Канги, можно спокойно положиться. В обычном деле, поправил себя Акс. Когда появляется темный минерал, многое меняется. Чаще всего не в лучшую сторону.

— Горы близко, — Канги прервал размышления Грея.

Они спешили у начала узкой тропы, серпантинном поднимающейся вверх. Где-то высоко можно было рассмотреть черную тень крана. С его помощью раньше спускали добытую породу.

Солнце ещё не успело до конца скрыться, но глубокие тени уже угнездились в скалах. Подниматься в сторону пещер сейчас, значило подвергнуть лошадей трудному испытанию.

— Мы можем оставить наших лошадей здесь, — предложил Грей. — Тогда не придется думать об их ногах. Можно сегодня подняться к той хижине. Заодно сэкономим себе время.

Проповедник уже расседлывал своего мула, готовясь обтереть животное. Несмотря на неспешный шаг, на боках животного выступила испарина.

— Возможно, вы правы, Акс. Мы вполне успели бы подняться. Даже застигни нас в пути темнота. Однако я бы хотел увидеть своего мула, когда вернусь из пещер. К сожалению, нам некого оставить с лошадьми.

Тапёр вынужденно согласился с проповедником.

Дуглас переговорил с Канги, подошел к Уильямсу и Грею.

— Индеец хочет немного пройтись о тропе. Что-то ему не нравится.

Проповедник вопросительно посмотрел на Мортимера. Законник неопределенно пожал плечами — следопытом в их отряде был Канги. Индейцу предстояло решать — беспокоиться или нет.

Тапёр стоял, придерживая свою лошадь за уздцы. Он насвистывал простенький мотивчик, оглядываясь по сторонам. Седло и дорожные сумки остались на месте. Грей не стал следовать примеру Уильямса.

— Послушайте, Грей, лошадь в любом случае стоит расседлать. Верхом по этой тропе вам не проехать. Пусть мы решимся на подъем в темноте, лучше воспользоваться возможностью и дать лошади отдохнуть.

— Полностью с вами согласен, мистер Уильямс. К сожалению, вынужден отказаться. Мне доводилось видать лошадей в куда как худшем состоянии и под седлом — готовых в любой момент продолжить путь. А в том, что мы продолжим наш путь, причем, вместе с нашими скакунами, — тапёр усмехнулся, — можете не сомневаться.

Дуглас и Канги вернулись довольно быстро. С полдюжину мелких камешков скатилось вниз, предвещая появление законника. Следом, абсолютно бесшумно, в мягких мокалинах, ступал индеец.

— Джозеф, — Мортимер хмурился, — думаю, вам стоит вновь оседлать мула. Придется рискнуть — двинуться к пещерам сейчас. Канги обнаружил следы.

— Человек пять, — кивнул индеец, — верхом. Прошли вверх не позднее сегодняшнего дня.

— Не понимаю причину спешки, — проповедник потербил бакенбарды.

Глаза Мортимера сощурились. Он помолчал, размышляя над ответом Уильямса.

— Возможно, стоит удержать людей от необдуманных поступков. Как вы относитесь к подобным вещам, преподобный?

Уильямс сделал вид, что обдумывает слова маршала — ему необходимо было время, чтобы подобрать слова. Проповедник действительно не мог понять поспешности Грея и внезапной торопливости Мортимера. Если до них наверх поднимались, неважно сколько, это повод усилить бдительность.

Что могло понадобиться обычным людям в заброшенной выработке? Да, иногда брат девочки наведывался сюда, даже жил здесь по несколько дней. Тогда сестра готовила ему еду. Парень искал остатки руды, не вывезенные со времен работы шахты. Далеко он не заходил. До последнего раза, когда отправился искать сестру.

Если не считать того самого поискового отряда, другие люди не интересовались пещерой вообще. А теперь целых пятеро! Это, опираясь на обнаруженные следы.

Не жители Санта Цело — точно. Вольные старатели? О таких должны были знать в городе.

Затылок наливался свинцом. Уши проповедника начало закладывать. Во всяком случае, мужчина испытывал именно такие ощущения.

Размышляя так, проповедник понимал — ему самому очень хочется поспешить на выручку людям, обогнавшим их. Ведь их надо предупредить насчёт старой шахты. Остеречь от глупых поступков.

Так будет правильно поступить — тихо-тихо шептали голоса серьёзным тоном в его голове. Христианский поступок, Уильямс. Стоит ли отказываться от него? Это ведь твоя обязанность, проповедник. Кроме тебя все понимают необходимость этого. Давай же,

поспешу на выручку людям.

Джозеф обратился к Канги. С нарастающим в груди холодком, он понимал — говорить сейчас с Мортимером, или Греем глупо. Проповедник начал догадываться, как девочка оказалась глубоко в пещерах.

— Канги, ты тоже считаешь хорошей идеей попытку догнать ушедших вперёд людей?

— Мне не нравятся их следы, — индеец не проявлял и тени эмоций, но его темная кожа потемнела ещё больше. — Их не должно здесь быть.

— Однако они есть, — раздраженно бросил маршал. — И я хочу узнать — кому они принадлежат.

— Если эти люди остановились в хижине старателей — мы наверняка встретимся с ними завтра. В случае же их спуска в пещеры — сегодня мы в любом случае не сможем им помочь.

Видя, что Дуглас собирается вновь возразить, и заметив выражение, возникшее на лице тапёра, Уильямс не сдержался.

— Боже, Мортимер! Я действительно не хочу подниматься наверх. И Канги тоже. Сейчас не время для этого.

Самое время, Джозеф — пропели голоса в его голове. Не теряй ни секунды. Поспешу наверх.

— Pater noster, — выдохнул Уильямс, — qui es in coelis...

Голоса расхохотались в его голове. Злобно, насмешливо, перестав маскироваться под голос совести. Они обещали вернуться очень скоро. Обещали помочь ему и его спутникам. А затем — они отступили.

— Ладно, мистер Уильямс, — Мортимер говорил сдержанно, но проповедник ощутил растерянность, закрывшуюся в голос. — Если вам так хочется — мы останемся тут до утра. Тем более из-за спора мы упустили время. Мистер Грей, снимайте седло со своей лошади.

В этом человеке есть сила. Канги осторожно наблюдал за проповедником, сидевшим по другую сторону от костра. Уильямс не выдержал — в его руках посверкивала отблесками огня плоская бутылка виски. Мужчина успел хорошенько к ней приложится и теперь смотрел в середину огня помутневшим взглядом. Пусть так. Главное — вера этого человека отогнала от бледнолицых морок каменного змея.

Зачем духам понадобилось подстёгивать их? Для того, чтобы они столкнулись с тем, другим, отрядом, шедшим перед ними?

Следопыт сильно сомневался в добродушии духов. Вовсе не помощь Мортимера, Грея, или Уильямса нужна была. На индейца тоже накатывало во время спора проповедника и маршала.

Станный азарт овладел Канги, когда он понял — тропой совсем недавно прошел отряд с тяжело нагруженными лошадьми. Он вряд ли смог бы объяснить свою уверенность навыками и опытом следопыта — просто знал.

Индейцу хотелось догнать этот отряд. Прячась за камнями, наблюдать за ними, а потом. Вот это последнее желание, пускать пулю за пулей, пока последний живой не упадет, и сдержало его. Канги вернулся вместе с маршалом. Он помнил, как сверкали глаза Мортимера. Наверняка также сверкали глаза самого следопыта, прежде чем он смог взять, пускай и частично, себя в руки.

Вот значить о чём говорил отец Роббинсон. Индеец устроился на расстеленном одеяле — его очередь дежурить наступит ближе к утру.

Что же, пусть вокруг этого человека, Джозефа Уильямса, собираются тени. Пока он способен разогнать их силой своего духа и своей веры, Канги только порадуетя близости подобного человека.

Глава 8

Индейца разбудил Грей. Бросив взгляд на небо, Канги понял — разбудили его раньше времени. Тапёр прижимал палец к губам, кивая в сторону спящих маршала и проповедника. Потом Грей приложил растопыренные ладони к ушам — слушай, мол.

Следопыт прислушался. Тихо потрескивало сухое дерево в костре. Где-то в степи выл койот. Индеец собирался пожать плечами, когда услышал очень высокий звук. Чем-то звук напоминал писк летучих мышей, шныряющих в небе и проверяющих таким способом дорогу перед собой.

В горах всегда достаточное количество пещер. Вполне нормально, что летучие мыши селятся в их глубинах, по ночам выбираясь на охоту. Стоило ли из-за этого будить следопыта? Индеец вопросительно посмотрел на своего спутника.

Грей продолжал показывать знаками, словно боялся — его голос привлечёт внимание этих самых летучих созданий. Понятное дело — они слепые. Значить отлично ориентируются по звуку.

Рядом всхрапнул Уильямс. Виски давало о себе знать. Грей поджал губы, быстро провёл языком по зубам. Канги увидел волну, пробежавшую по верхней губе тапёра. В руках мужчины блеснула бритва. Заметив нахмуренные брови проводника, Акс ладонью поманил Канги за собой.

Они отошли от костра всего на несколько шагов, когда Акс остановился. Тапёр пнул в сторону индейца тёмное тельце, словно завернутое в порванный плащ. Проводник присел на корточки рядом с трупом животного, стараясь внимательно его рассмотреть.

Жрецы описывали подобных существ. Самому Канги встречаться с ними пока не доводилось. Пусть он и бывал в здешних пещерах не один и даже не два раза.

Индеец отводил сюда первых старателей — тогда ему хорошо заплатили за истории о тёмном камне. Совсем недавно он возвращался сюда по просьбе отца Роббинсона — проверить дорогу и убедиться, что в старой хижине никого нет.

Может он не видел этих существ, потому что приходил сюда днём? Нет, покачал головой индеец. Он продолжал разглядывать тушку, не решаясь прикоснуться к ней. Дело не в этом. Канги бывал здесь и ночью — ему доводилось ночевать в здешних пещерах. Всё, что он встречал — обычные летучие мыши.

Наконец решившись, Канги вытащил охотничий нож из ножен на поясе, аккуратно расправил полы плаща — на самом деле, это были большие кожистые крылья. За крыльями скрывалось змееподобное тело.

Длинный гибкий хвост. Таким можно обвить шею животного, или человека, захватить в удушающие объятия. Клиновидная голова, лишённая глаз. Вместо них по обеим сторонам морды бугрились наросты. Тело покрывала гладкая тёмная шкура. Эта шкура напоминала одновременно змеиную и шкуру летучих мышей.

Пока Канги рассматривал существо, Грей подошел ближе и тоже присел на корточки напротив следопыта. Он протянул к голове зверя бритву, постучал её концом по пасти.

Индеец понял, на что указывает тапёр. Его лицо скривилось от отвращения. Впервые, за долгие годы, Канги не сумел сдержать своих чувств.

Клиновидная голова переходила в пасть, раскрывавшуюся, словно жуткий цветок, тремя зубастыми лепестками. Между этими лепестками притаился язык, похожий на хоботок.

Жуткая, извращенная пародия на детей каменного змея. Смертоносно-опасных, но не уродливых же!

Грей выпрямился и сплюнул. Потом, прислушиваясь, сложил бритву. Указал её ручкой в сторону горной тропы. Как мог жестами, рот он держал на замке, показал возможное количество кровососов. Рука Канги крепче сжала нож.

Вероятность столкнуться с этими существами во время подъема была минимальной. Об этом говорило и единственное тело, валявшееся сейчас между тапёром и следопытом. А вот что ждало их там, наверху, если стая подобных кровососов начала бы биться в окна хижины? Окна могли выдержать, но если стекло лопнуло бы, если они смогли бы как-то иначе оказаться в доме?

Множества «если» и «бы» Канги не любил. Он тоже поднялся на ноги. Отправив пинком ноги тело уродливого кровососа в полёт, он посмотрел на Грея, потом дёрнул головой в сторону спящих. Акс отрицательно покачал в ответ на немой вопрос. Потом рукой изобразил восход солнца. Тапёр предлагал дожидаться утра. При этом, он вновь приложил ладони к ушам. Внимательно прислушиваться — вот что это значило.

Они вернулись к костру. Индеец положил свою винтовку на колени и прикрыл глаза, обратившись в слух. Грей посидел немного, наблюдая за проводником и также вслушиваясь в далёкий писк над их головами.

Канги не собирался спать. Убедившись в этом, Грей позволил себе расслабиться и провалиться в тревожный сон. В этом сне на него вновь налетала жуткая тощая тень, а он едва успевал взмахнуть бритвой, которую, по прихоти судьбы, решил поправить от нечего делать.

Ближе к рассвету писк летучих бестий окончательно затих. Кроме единственного, скорее всего, случайно залетевшего в их лагерь кровососа, другие остались в горах. Они вполне могли найти себе другую добычу, поближе. В любом случае, ночь закончилась для них благополучно.

Акс молчал, ни словом не проговорившись о ночном происшествии проповеднику или маршалу. Канги размышлял над этим, пока они седлали лошадей, готовясь к подъёму.

Заговорил Грей, когда позади оказалась примерно половина подъёма.

— Господа, — обратился он к Уильямсу, хмурому и помятому после вчерашней выпивки, и Мортимеру, — как вам спалось сегодня ночью?

— Мне кажется, Грей, — проговорил Дуглас, придерживая повод своей лошади, — у вас есть более веские причины, нежели простое любопытство, задавать подобный вопрос.

— Увы, есть, — согласился тапёр.

— Озвучите нам?

Акс поднял голову и посмотрел вверх. Кран здорово приблизился, увеличившись в размерах.

— Как долго нам ещё подниматься, Канги?

Проводник оценил пройденное расстояние.

— Около часа. Возможно немного больше.

— Высоко.

— Это священная гора, мистер Грей. Она священна ещё и потому, что её пещеры ближе к солнцу, чем к земле.

— Весьма поэтично, Канги, но Акс хотел нам что-то рассказать.

— Вы правы, Дуглас. Нисколько не сомневаюсь в вашей настойчивости, или смелости.

Маршал посмотрел на тапёра, выгнув бровь.

— Но мне не хотелось, чтобы вы возвращались и пытались отыскать существо, о котором я сейчас расскажу.

— А оно, случаем, не часть вашего сна, мистер Грей?

Проповедник вяло улыбнулся, пытаясь разрядить, начавшееся сгущаться, напряжение.

— Нет, мистер Уильямс, к сожалению. Поручится за мои слова, может наш проводник. Я показывал существо Канги.

Индеец кивнул в ответ на молчаливый вопрос маршала.

— Рассказывайте, Грей. Со своей стороны сразу скажу — мой сон всю ночь оставался глубоким и спокойным.

Акс посмотрел на проповедника.

— Вряд ли я смогу помочь вам, Акс. Виски служит отличным снотворным.

Тапёр кивнул, соглашаясь с этим утверждением, а потом начал рассказывать о ночном происшествии. Рассказа хватило до самой хижины старателей. Сама хижина встретила мужчин распахнутыми дверями и темными следами на каменистой земле. Следы тянулись в сторону широкого зева пещеры, видневшейся неподалёку.

Индеец передал поводья своей лошади шедшему рядом проповеднику, а сам принялся изучать отметины. Канги прошелся вдоль них к одноэтажному, зато достаточно длинному, зданию, способному вместить человек десять за один раз. Он осторожно заглянул внутрь, держа винтовку наготове.

Оставшиеся снаружи мужчины, переводили взгляды с одного предмета на другой. Тел не было, но следов большой драки хватало. Тапёр прошелся по широкой площадке, пнул ногой старое, перевёрнутое на бок ведро. Ведро затарахтело в сторону крана, показывая то один дырявый бок, то другой. Рядом с ведром валялся сапог со сломанной шпорой. Наверное, кто-то пытался натянуть его впопыхах — сапог оказался добротным, почти новым.

Из здания вышел проводник, держа перед собой, на вытянутой руке, крылатое тело. Голова существа отсутствовала — видимо одному из остановившихся здесь на ночлег удалось всадить тяжёлую пулю между раскрытыми лепестками пасти.

— Там таких около десятка, — индеец бросил тушку на землю и мотнул головой в сторону дома. — Ставни выбиты, дверь держится на одной петле.

— Люди? — поинтересовался Мортимер.

Канги отрицательно мотнул головой.

— Были, да. Довольно много, если судить по оставшимся следам.

— Думаете — погибли?

Уильямс осенил себя крестным знаменем.

— Часть могла погибнуть. Другие ушли. Ночью, или утром — трудно сказать.

— Судя по тому, что они нам не встретились — ушли эти люди в пещеры.

— И их не остановило произошедшее? — проповедник с сомнением посмотрел на Дугласа. — На мой взгляд — они должны были бежать отсюда с первыми лучами солнца.

— Или при первой возможности, которая появится, — поддержал Уильямса тапёр.

— Они знали, куда шли, — Канги повесил ружьё на плечо и теперь с сомнением разглядывал строение с тремя стенами и коновязью.

Мортимер подошёл к длинной жерди, тянувшейся над треснутым корытом для воды. Жидкость в корыте оказалась мутно-бурого цвета. Маршал взял в руки оборванные поводья,

осмотрел их края.

— Соглашусь с Канги, — маршал отпустил оборванные поводья, те закачались. — Те, кто пришел сюда либо знали об опасности, либо подозревали что-то подобное. Часть лошадей оставили очень близко к выходу. Видите, Джозеф, там тоже есть оборванные удила.

Проповедник подошёл к указанному месту.

— Очень дешёвая кожа. К тому же — прелая, — в Уильямсе говорил бывший кавалерист.

— Получается, — к проповеднику присоединился Акс, — часть лошадей оставили на убой — в качестве откупа.

— Скорее всего. Скорее всего.

— Вот только, кровососов оказалось гораздо больше, чем они рассчитывали, — закончил Канги вместо замолчавшего маршала.

— Не понимаю, — Уильямс провел ладонью по лицу. — Зачем же тогда они полезли в эти пещеры?

— Очень скоро мы сможем это узнать, мистер Уильямс. Потому, что сами отправимся туда. Если вы не передумали, конечно.

Джозеф сминал в ладони лицо, едва ощущая прикосновения. Будто мало оказалось рассказа девочки и пропажи почти всего отряда старателей. Ладно, эти летающие кровососы. Мерзко, отвратительно, страшно. Вместе с тем, вполне понятно. Эти существа вписывались в мир Джозефа Уильямса — полный голосов и теней.

Теперь к первым двум напастям, безусловно связанным друг с другом, добавилась третья — неизвестные люди. И Канги, и Дуглас уверены в их целенаправленном приходе к пещере Каменного змея.

Кем окажутся эти неизвестные трудно сказать. Продолжая верить в людей, отец Уильямс всегда помнил о таких личностях, как Джек и Джеб.

И всё же. Проповедник взял на себя определённые обязательства. Судя по случившемуся здесь ночью — ситуация ухудшалась со скоростью разогнавшегося поезда. Отец Уильямс думал.

Стоило привести сюда больше людей. Возможно, лучшим выбором станет завалить вход в саму шахту прямо сейчас. Можно отправить кого-то в город за подмогой.

О, конечно, всё это можно сделать. И вместе с этим потерять время. Проповедник не слышал голоса в своей голове со вчерашнего вечера. Зато сейчас ощущалось присутствие некой тени. Эта тень кружила вокруг них, только что, не укутывая в душный липкий саван. Для этого она была слаба. Пока что.

— Лично я — за пещеру, — Грей подвел свою лошадь к коновязи.

Здесь, возле дома с выбитыми окнами и открытым стойлом, животные проявляли лёгкое беспокойство. Недовольно фыркали, трясли головами. Однако же, оставались на месте и позволили людям привязать себя.

Тапёр прошелся к входу в дом, заглянул внутрь.

— К тому же, — добавил он, — в доме такой запах, словно в нём сдохло пару десятков змей.

— Мистер Уильямс? — законник вопросительно смотрел на проповедника, терпеливо дожидаясь его ответа.

Мортимер пойдет в любом случае. Независимо от решения Джозефа. Индеец, скорее всего, пойдет сним. Это проповедник знал, хотя точно объяснить мотивы Канги не рискнул

бы. Грей? Пианист пойдет вместе со всеми. Выдержки ему не занимать. Ко всему прочему — тапёра что-то связывало с тёмным камнем. И что, он сможет оставить этих людей одних?

Дуглас наблюдал за Уильямсом, читая мысли проповедника по движениям и лицу. Чем закончится внутренняя борьба, маршал уже знал, но решение его спутник должен озвучить самостоятельно.

Говорить проповедник не стал. Зато быстро и сноровисто привязал мула, попросил Акса помочь с водой. Следовало вылить грязную и отыскать чистую. На вопрос относительно источника, или помпы, Канги утвердительно кивнул головой.

Наблюдая за этим, Мортимер отпустил пояс, который до этого крепко сжимал рукой. Глубокая полоса посередине ладони, начала постепенно исчезать.

Законник был уверен в своём знакомом. Хотя, всегда оставался шанс, что отец Уильямс озвучит наиболее здравое решение — привести сюда подмогу. Военных, местных добровольцев, кого угодно, конце концов.

Да, это оказалось бы правильным решением. Правда, у этого решения существовал огромный минус — время. Его всегда мало. В их случае — особенно.

Достав пистолеты, Дуглас принялся наблюдать за окрестностями, пока остальные чистили поилку, носили свежую воду от помпы, а потом готовились к спуску в пещеру.

Колея, ведущая к входу в пещеру, успела покрыться ржавчиной. То тут, то там шпалы оказались переломаны в самых неожиданных местах. Глядя на эти повреждения легко можно было представить, как огромная рука высовывается из камня, сжимает дерево, сминая его и отпускает, оставляя размочаленную шпалу и кучу щепок вокруг.

Мужчины шли вдоль рельсов, разбившись на пары. Впереди оказались Канги и Мортимер. Оба с оружием наготове, оба настороженные. Позади них шли Уильямс, сжимавший в руке добротную керосиновую лампу, и Акс Грей. Тапёр вертел в руках бритву, обращаясь с ней, словно фокусник с колодой карт. Проповедник свободной рукой всё время ощупывал небольшую сумку, висящую на боку, рядом с полной флягой. Кроме почти пустой бутылки виски, в сумке лежала потрепанная библия с целым ворохом тонких матерчатых закладок. Эти закладки отец Уильямс разложил по книге уже здесь, когда они завершили все приготовления.

Перед входом в пещеру, проповедник окликнул товарищей. Все остановились. Уильямс быстро прочитал «Отче наш», осенил всех крестным знаменем, благословляя, и ободряюще кивнул — пошли, мол.

Когда все повернулись в сторону входа, проповедник скривился от стрелы боли, пронзившей его затылок.

Лучи света, проникавшие на десяток шагов вглубь пещеры, выхватывали из тени бок перевёрнутого вагончика для руды. Тот валялся в паре шагов от убежавших в темноту коридоров рельс.

Грей решил, что вагончик столкнули сильным ударом в бок. Стоило присмотреться, и можно было рассмотреть вмятину на задранном к потолку боку.

Рядом с вагончиком валялось несколько летучих змей, разной степени сохранности.

Мортимер оглядел пол вокруг, но отстрелянных гильз не увидел. Или перестрелка оказалась настолько короткой, что хватило пистолетов, такое возможно — всего три трупа созданий. Или у шедших впереди людей напрочь отсутствовали ружья. Оба варианта возможны. Как по отдельности, так и вместе. Маршал предпочел бы второй.

Канги немного обогнал остальных, остановился в тоннеле, давая глазам приспособиться к сумраку. Дожидаясь, пока его спутники зажгут лампу, индеец вслушивался в звуки пещеры. Проводника точил червь сомнений. До вчерашней ночи следопыту не доводилось сталкиваться с существами из сказаний своего народа. Будучи откровенным с самим собою, это он мог позволить, Канги и воздействие темного камня на человека впервые увидел, когда вернулась Тина. Вот только, девочка выглядела гораздо менее пугающе той женщины из борделя.

Сказки и страшные предания стремительно оживали перед Канги, испытывая его способность подчинять чувства воле.

Индеец решил, что справится. Обязан сделать это перед бледнолицыми. Хотя, сжимая челюсти, следопыт признавался себе — имей он выбор то бежал бы сейчас же прочь отсюда.

Тени отступили от Канги вглубь пещер, туда, куда убегала старая узкая колея. Внутри пещеры рельсы оказались ничуть не лучше, чем снаружи. Скорее, даже хуже — жёлтый свет лампы выхватывал засохшие потёки экскрементов на ржавом металле и те же изуродованные шпалы.

— Тут одна дорога, Канги?

Мортимер стал рядом с проводником.

Индеец секунду наблюдал за вытянутыми вперёд тенями — своей и маршала. Он оценил их подрагивание — рука проповедника, сжимавшая ручку фонаря, тряслась, но не сильно.

— Это было бы слишком просто. Тоннель ветвиться. Часть путей ведёт вверх — они нам не понадобятся. Другие отходят в стороны, перед тем, как устремиться вниз. Если повезёт — ими мы не пойдём.

— Значит, есть прямой путь вниз?

Грей повертел в руках маленький кусок породы, один из многих, рассыпанных вдоль железной дороги. Потом со всей силы швырнул его вперёд. Камень исчез в темноте с отчетливым стуком.

— Да, — подтвердил Канги. — Кстати, вы напрасно сделали это, мистер Грей. Ночью вы были более осмотрительны.

Тапёр тихо выругался. Действительно — поступил, словно последний дурак. Хотя, сдерживаться он не стал бы в любом случае. Либо кидать, либо совать, этот чёртов, кусок тёмного камня себе в карман. И если не кинуть сразу, то потом он точно окажется в кармане. Сам собой — говорил кто-то из его прошлых знакомых. Лучше избавиться от

соблазна сразу.

— Что сделано, то сделано, Канги, — отметил маршал. — Лучше двинемся дальше. Отче, могу я вас попросить ещё раз прочитать Pater noster? Мне становится спокойнее от её слов.

— Они могут помешать вам услышать приближение чего-либо из этих пещер, — заметил Уильямс.

— А вы читайте про себя, — Акс сверкнул зубами. — Думаю, мистер Мортимер отлично знает слова. Просто ему важно знать, что кто-то ещё, кроме него самого, будет произносить слова этой молитвы.

Маршал осторожно двинулся вглубь пещеры.

— Если бы я следил за словами в своей голове, — ответил он на замечание Грея, — не осталось бы времени нажимать на спусковой крючок.

Проповедник не стал отвечать на шутку, прозвучавшую в словах товарищей. Вместо этого, он прикоснулся к обложке книги в сумке и начал мысленно произносить слова молитвы. Тень за его спиной выгнулась и словно змея метнулась по каменному полу.

Труп они увидели через несколько залов. К этому времени проходы с рельсами, как и большие пещеры, напоминавшие залы, где велась основная добыча, остались позади. Иногда они протискивались боком в узкие, незаметные проходы. Один раз спугнули стаю летучих мышей. Самых обычных с виду. Тем не менее, маршал, вместе с проводником, резко вскинули оружие вверх, готовые стрелять. Обошлось — животные рванули к выходу высоко в потолке зала. Над головами, едва не задев шляпы людей, пронеслось всего лишь три летучие мыши. Теперь им попался мертвец.

Труп казался старым, пролежавшим долгое время и успевшим высохнуть. Из одежды на трупе оказалось изорванное, вымазанное засохшей кровью, пончо.

Скорее всего, они бы прошли мимо. Какой смысл задерживать здесь и глядеть на труп. Что здесь опасно, они и так знали.

Возле мертвого мексиканца остановился проповедник. Высохшее лицо показалось ему знакомым. Он поднёс фонарь ближе, вглядываясь в обтянутый сухой, покрытой струпьями, кожей, череп.

Шедшие впереди оказались вынуждены остановиться — свет от фонаря в руке Джозефа качнулся в сторону, темнота перед ним сгустилась. Они обернулись. Проповедник задумчиво теревил бакенбарды, склонившись над находкой. Сейчас, в чёрной сутане и с лицом, скрытым в тени шляпы, Уильямс походил на жнеца, пришедшего за положенной добычей.

— А ведь я его уже видел, — наконец произнес проповедник, выпрямляясь. — Даже совсем недавно.

Мортимер подошел ближе и тоже наклонился, чтобы рассмотреть мертвеца.

— Я его не узнаю, — покачал головой маршал. — К тому же, этот мексиканец лежит тут как минимум год.

— Вы не правы, Дуглас, — Джозеф покачал головой. — Пару дней назад, этот человек участвовал в нападении на поезд.

— Грей, — законник позвал Акса. — Посмотрите, возможно вы согласитесь с отцом Уильямсом.

Тапёр отрицательно мотнул головой, оставаясь на месте. Какое-то невнятное предчувствие не давало ему покоя.

— Я не всматривался в лица бандитов. Должен признать — в тот момент, последнее,

что меня заботило, были их физиономии.

Уильямс сглотнул комок, подступивший к горлу — пришлось подавить нахлынувшую тошноту. Смесь виски, давящей на сознание громады камня над головой и мучающего его узнавания, давали о себе знать. Вертящиеся в голове буквы упорно не хотели складываться в имя бандита. Эти буквы легко складывались в абсолютную бессмыслицу, а вот собраться в простое и понятное слово напрочь отказывались.

— Он выглядел тогда по-другому. Впрочем, вы, Дуглас, тогда лежали без сознания. Что касается мистера Грея, он был в другом месте, это точно.

— И все же, вам этот мексиканец знаком? Поэтому мы тратим такую кучу времени?

— Да. Тот стрелок, Джек, он отогнал кучку мексиканцев от вас, Дуглас. Запретил им мародерствовать. Среди тех мексиканцев был этот, — проповедник запнулся, — человек.

— Что же, — Мортимер скривился, — тот стрелок совершил один из редких благородных поступков. Однако, Джозеф, лежащий, перед нами, труп выглядит старше нескольких дней.

— И гораздо более тощим, — согласился Уильямс, вспомнив дородного мексиканца. — Хосе, вот как его звали.

— Из него высосали всю кровь. Может не только кровь, а и подкожный жир. К примеру. От этих слов индейца проповедника замутило ещё больше.

— Но ведь те твари, — произнес Уильямс, невольно понижая голос, — они должны были оставить следы зубов. Это наверняка так.

Дуглас рукой в перчатке отодвинул в сторону край пончо. Показалось бледное, заросшее волосами, брюхо. Похожее на опустошённый бурдюк, оно свисало складками на пах мертвеца.

— Охота вам его разглядывать, джентльмены, — тапёр снял свой котелок, отер рукой пот, обильно выступивший на лице.

— Джозеф, — Мортимер не обратил внимания на высказывание Акса, — посветите вот здесь, пожалуйста.

Проповедник приблизил лампу почти вплотную к телу мёртвого Хосе. При свете стали видны отметины на трупе. Круглые, с посиневшими краями, в центре каждой маленькая рваная ранка. Отметины шли двумя ровными рядами, опоясывая всё тело. Размер оказался разным. Однако, складывалось впечатление, что они уменьшались, или, наоборот, увеличивались постепенно.

— Я видел подобное.

— Вы решили присоединиться к компании любопытствующих, мистер Грей?

Законник посмотрел на подошедшего тапёра снизу вверх, продолжая сидеть на корточках перед трупом.

— Вы заступили свет, надо сказать. А находиться в темноте — удовольствия мало. В этих пещерах словно шуршит противный шепот.

Уильямс мысленно согласился с тапёром. Ему хотелось добавить, что кроме шепота ощущается странная вибрация, но маршал его опередил.

— Вы правы, Акс, прошу меня простить. Это место делает меня нервным. Говорите — видели подобное? Когда? Где?

Самым простым оказался бы ответ про Молли Рей. Жаль, но он подходил сейчас лишь отчасти. Грей действительно видел подобные отметины. Правда, значительно менее опасные.

— На побережье мне доводилось пробовать одного морского зверя — осьминога. У них восемь щупалец, гибких, будто змеи. По каждому щупальцу идут присоски. С помощью щупалец они обвивают добычу, или цепляются за камни. Надо сказать, эти осьминоги весьма вкусные, хотя и жесткие, что старая подошва.

Проповедник попытался пошутить.

— Судя по всему — жизнь свободного пианиста весьма тяжела.

Тапёр прикоснулся пальцами к краю своего котелка, легонько кивнул — понял, оценил, соглашусь. Акс даже изобразил на лице улыбку. Улыбка вышла натянутой — мужчина испытывал схожие с проповедником ощущения. Вибрация вокруг них продолжала нарастать.

— Идея интересная, — Мортимер поднялся на ноги, сделал шаг в сторону от мертвеца. — Только, если я правильно понял, ваши осьминоги живут в воде. В нашем случае больше подойдет сравнение с той девушкой из борделя.

Акс уже собирался согласно кивнуть, когда мертвец резко наклонился вперед. Сухо хрустнуло, словно сломалась большая ветка.

За спиной трупа оказалась щель в стене зала и из этой-то щели, в сторону мужчин, резко вылетело что-то толщиной с анаконду и столь же гибкое.

Мортимер и Грей отпрянули в разные стороны. Уильямс, услышав в своей голове взрыв издевательского хохота, согнулся едва ли не пополам. Лампа закачалась в каком-то сантиметре от пола, чиркая по камням нижним своим краем. Щупальце скрутилось в петлю над проповедником, метнулось, распрямляясь, в одну сторону, в другую. Грей смог увернуться, едва не потеряв свой котелок. Маршал выстрелил практически в упор.

К хохоту голосов в голове Уильямса добавился грохот выстрела в ушах.

Первая атака неведомого существа захлебнулась. Пуля Мортимера с чавканьем впилась в натянувшуюся плоть. Щупальце отдернулось назад, свернулось кольцом. Однако, это оказалось всего лишь началом.

Джозеф увидел дуло винтовки Канги, метнувшееся в его сторону. В затылке проповедника сотни ног отплясывали ирландскую джигу. Вот ты и попался, проповедник. Здесь некому прочитать молитву над твоим телом. На законника и пианиста можешь не рассчитывать. Они составят тебе компанию очень скоро. Сейчас индеец всадит в тебя пулю, отправит тебя напрямиком к нам. О, проповедник, будь спокоен — уж мы тебя встретим.

Уильямс упал на одно колено. Лампа тревожно зазвенела, чудом оставшись целой. Керосин выхлопнулся на фитиль. Во внезапной вспышке света проповедник увидел закаменевшее лицо их проводника, его расширенные глаза.

Винтовочная пуля с вязким мокрым звуком ударила во что-то позади Уильямса. Проповедник быстро оглянулся, удивляясь — как это он до сих пор не потерял свою шляпу.

Сзади оказалось ещё одно щупальце. Оно высовывалось из, неприметной до этого, щели возле самого пола. Сейчас оно яростно дёргалось, поливая камни чёрной кровью.

Проповедник повернулся к Канги, намериваясь благодарно кивнуть.

— Канги, сзади!

Индеец дёрнулся, но опоздал. Третье щупальце щёлкнуло, распрямляясь толстым мощным хлыстом, врезалось в проводника.

Придись такой удар в спину Канги, как и должно было случиться, позвоночник не выдержал бы. Сломался с тем же хрустом, с каким переломился сухой труп Хосе. Выкрикивая предупреждение, Уильямс практически слышал это хруст. Однако щупальце врезалось индейцу в плечо. Винтовка вылетела из его рук, заскользила по полу прочь. Сам

Канги отлетел в стене, тяжело ударившись о камни.

Проповедник почти бросился к нему на помощь.

— Нет! Джозеф, свет!

Вместе с криком в сторону проповедника грянули сразу два пистолетных выстрела — Мортимер стрелял с двух рук. Обе пули били в ту самую цель, что и винтовка Канги перед этим. Одна высекла искры из стены, вторая пуля достигла цели. Подстреленное индейцем щупальце распласталось, словно дохлая змея, на камнях пола, но продолжало слабо подергиваться.

Проповедник вжался в стену, пытаясь молить Бога, что бы поблизости не оказалось даже маленькой трещины — щупальца с лёгкостью пробивались сквозь них, расширяя их с невероятной силой и быстротой. Он поднял фонарь настолько высоко, насколько позволяла его рука. Свет плясал вместе с рукой проповедника, но давал возможность видеть противника.

Новые выстрелы. Теперь Мортимер пытался отогнать щупальце от индейца. Пули ударили в стену, отколов несколько камешков. Эти камешки ударили в толстую кожу метнувшегося в сторону Канги щупальца. Вреда от них не было, но щупальце замерло на секунду.

Грей крутился ужом, полосуюя во все стороны бритвой, зажатой в кулаке на манер кастета. Третье щупальце, то самое, что пряталось за трупом мексиканца, вило вокруг тапёра кольцо, но не могло обхватить добычу. Всякий раз бритва Грея добавляла новый, длинный порез. Из этого пореза тут же начинала толчками выплёскиваться кровь.

Сколько их? И каких размеров их хозяин? Ужас тошнотой подкатил к горлу Уильямса, когда он представил это.

Ты знаешь, проповедник — захихикал один из голосов, бьющихся в голове, мешающих произносить слова молитвы. Уильямс почувствовал этот голос, словно он был скользким червём, имеющим плоть, ворочающимся в нём, Джозефе. Проповедник со всей, нахлынувшей на него, злостью вцепился своими мыслями в этого червя.

В сознание отца Уильямса в одно мгновение впились сотни мелких зубов. Подобного он раньше не испытывал. Словно здесь, в пещерах, сидевшее внутри него обрело дополнительные силы. Уильямс терпел. Сжимал пальцы на ручке фонаря, ходившего ходуном, бросавшего лучи желтого цвета по стенам и потолку пещеры. С трудом, со стоном, выталкивал сквозь зубы слова молитвы. Сейчас ему оставалось только это.

Мортимеру удалось сдержать щупальце, нацелившееся на Канги. Проповедник не считал, сколько пуль нашли свою цель. К тому моменту, как курки сухо клацнули, не найдя очередного патрона, индеец сумел подобрать свою винтовку.

Теперь Канги сидел, прислонившись спиной к стене. Одна его рука висела вдоль туловища. Второй он зажимал подмышкой приклад. Выбрав момент, индеец нажал на спуск.

Первый раз он промахнулся. Пуля скрылась в темноте тоннеля, а щупальце метнулось к проводнику. Резко дернув скобу вниз, Канги дослал новый патрон. В этот раз промахнуться оказалось сложнее — покрытое присосками щупальце почти дотянулось до горла проводника.

Брызнувшая кровь залила лицо Канги и его грудь, быстро пропитав ткань форменной куртки. Щупальце безвольным кулем рухнуло, тут же обмякнув.

— Потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твоё, и потерпи Господа.

Злобно шипя, голоса отступили. Они перестали отбивать джигу, выпустили бедную

голову проповедника из острых тисков своих зубов. Остался один. Тот самый, в который проповедник вцепился всеми своими мыслями. Он не шептал — шипел словно рассерженная змея. Станным образом Уильямс видел его внутри себя — клочковатую тень, злобно и бессильно скалящую чёрные зубы.

Последнее щупальце, исполосованное бритвой Грея, втянулось в расселину в стене. Теперь эта щель напоминала кровоточащую рану. Маршал не упустил возможности — разрядил один из револьверов вслед.

Тапер подошел к индейцу, на ходу отряхивая слетевший с головы и подобранный котелок. Мортимер остался на месте. Маршал спрятал один из револьверов и перезаряжал второй. При этом, законник оглядывался по сторонам, пристально вглядываясь в темные проходы.

— Уильямс, помогите мне.

Проповедник отлепился от стены и на ватных ногах побрел в сторону проводника. Лицо Канги приобрело землистый оттенок. Индеец не проронил и звука, пока Грей быстро, сноровисто ощупывал его руку, плечо и спину.

Джозеф помог Аксу поднять проводника на ноги. Спина индейца осталась целой, а вот рука оказалась сломана в плече. Кроме того, острый выступ едва не проломил его череп. Из глубокой ссадины текла кровь.

— Вот, — проповедник протянул Грею почти пустую бутылку.

К ним подошел Мортимер, на ходу поднимая оставленный отцом Уильямсом фонарь.

— Как он?

— Жить будет, — ответил Акс, обтирая лицо и голову индейца платком, смоченным виски, — но рука у него сломана. Кроме этого, я бы добавил сюда хорошенькое сотрясение. Взгляните в его зрачки.

Зрачки у Канги оказались разного размера. Говорить о попадании проводник в щупальце, равнялось рассказу о чуде.

— Нам стоит вернуться, — Уильямс принял из рук маршала фонарь.

— На это нет времени, — покачал головой Дуглас. — Уйдем сейчас — второго шанса нам не представится.

— Вам, джентльмены, и первым-то воспользоваться не удастся.

Мортимер быстро повернулся, рука метнулась к кобуре.

— Не советую дергаться, — голос звучал насмешливо.

— А мы тут с Джебом подумали — кто шумит? Стреляют, понимаешь. Будто мало того, что явились без приглашения.

Говоривший довольно скалил зубы. Длинный плащ не закрывал, как в прошлый раз, худощавую гибкую фигуру стрелка. Сейчас на мужчине была рубашка, покрытая каменной пылью. Поверх рубашки он носил щегольской жилет. Рука в перчатке переводила ствол револьвера то на маршала, то на индейца. При этом он не упустил из виду и проповедника с тапёром.

— Вот и решил я встретить гостей, — продолжал Джек. — Благо тут не далеко. Ствол убрал, законник.

Последнюю фразу стрелок словно выплюнул сквозь зубы.

— Поиграем. Успеет ещё, можешь не сомневаться. Ты, в котелке, сумку на землю и ногой в мою сторону.

Грей выполнил приказ. Мышцы на его лице ходили ходуном, но сделать что-либо он не мог — стрелок стоял достаточно далеко.

Мортимер стоял спокойно. Его состояние выдавали только глаза — злые, превратившиеся в узкие щёлки.

— Давно не виделись.

Джек издевательски рассмеялся.

— Да не очень-то давно, законник. А ты, священник, что забыл тогда отходную прочитать?

Джозеф понял — этот человек боится. Джек не может понять, как такое могло случиться. Он стрелял в Мортимера, попал, но вот, законник вновь стоит перед ним, спустя всего лишь несколько дней. Стоит уверенно и, даже, ведёт бой за свою жизнь. Впрочем, эта растерянность не мешает Джеку выстрелить. Стрелять вновь и вновь, пока он точно не убедится — жертва мертва и останется такой навсегда.

Отвечать на вопрос стрелка, Уильямс не стал. В это не было необходимости.

— Живо вперёд, — стрелок махнул револьвером в сторону откуда пришел. — Повторюсь — хотите прожить лишний час, лучше не дёргайтесь. Законник, держи руки подальше от стволов. Я буду стрелять не в тебя, или кого-то из твоих спутников. Шарахну по сумке этого умника.

Носок сапога постучал по сумке с динамитом.

— Взлетишь на воздух вместе с нами, — холодно проговорил Мортимер.

— Зато уж наверняка отправлю тебя на тот свет, — в глазах Джека плеснула злость. — На пару с этим святошей. Всё. Пошевеливайтесь. Живо.

Дуглас прикинул шансы. Нет, решил он, не сейчас. Этот стрелок медлит, значит, время есть. Хочет покрасоваться? Что-то иное? В любом случае, для них это лишнее время. Можно перевести дух после схватки. Плюс, Мортимер неторопливо прошел в коридор, существовала связь между происходящими в пещере событиями и этими бандитами.

— Эй, святоша, подсвети своим приятелям. Бежать тут некуда — одна дорога осталась. Но я не хочу, что бы вы раньше времени сломали ноги.

Мортимер мрачно усмехнулся себе в усы. Вот как. Интересно, тот мексиканец тоже пригодился? Похоже на то.

Путь и вправду оказался коротким. Чуть более двухсот шагов. И да, смысла бежать никакого — коридор один.

Пещера, куда они вышли, разительно отличалась от всех пройденных. Точнее её было назвать огромным подземным залом.

Стены словно в одно мгновение раздались в стороны, потолок устремился вверх. Свет десятка ламп, установленных в пещере, отражался, переливался, играл на гранях тёмных кристаллов. В этом месте они в прямом смысле росли из пола и стен. Наросты минерала образовывали причудливые сталактиты и сталагмиты, нависавшие гроздьями над головой, тянущие острые края вверх.

В глубине этого зала колыхалось тёмное озеро, поднявшееся на дыбы.

Внутри проповедника вскинула уродливую голову тень. Она довольно заурчала, потянулась к колышущейся тьме. Уильямс нутром ощутил — тьма откликается, тянется к тени внутри человека, стремится наполнить ту своей силой. Он покачнулся. Тень в разуме проповедника радостно встрепенулась, почувствовав слабину, попыталась растечься по разуму Уильямса.

Сколько сил ушло у Джозефа, чтобы ухватиться за невидимый хвост тени не узнает никто. Ему удалось это, когда от группы из пяти человек, возившихся с мешками поблизости зеркальной поверхности тьмы, отделился человек и направился в их сторону.

Кряжистая фигура, широкий плащ, тяжелый давящий взгляд. Шляпу Джеб откинул на спину, открывая сальные, давно не мытые волосы.

Тень попыталась укунить разум проповедника, воспользовавшись его внезапным страхом. Джозеф выдержал — только лампа закачалась сильнее в его руке.

Зачем он удерживает тень? Проповедник не находил ответа на этот вопрос. Боялся, что та напитается сил от проклятого, стоящего торчком, озера? И это тоже. Но что-то ещё заставляло его всеми силами строить внутри своего разума клетку для крылатого силуэта с клиновидной головой.

Пока проповедник вёл свою внутреннюю борьбу, Дуглас внимательно оглядывал зал.

Вот ведь как вышло. Банда, напавшая на поезд, скрывается в горах Санта Цело. Поредели они, однако. Это хорошо. Сколько их осталось? Человек десять — пусть будет так. Пятеро возятся с мешками. Один приближается к ним. Стрелявший в него Джек. Всегс семеро. Добавим к этому троих. Пускай этих и невидно. Остальные стали добычей. Кто кровососов наверху, кто, как тот мексиканец, попался щупальцам.

Трое против десятых. Канги, маршал нахмурился, на него лучше не рассчитывать. Сможет — поможет, но не более того.

Мортимер бросил быстрый взгляд на проповедника. Бледный, шатается, вдоль свалывшихся бакенбард струится пот. Держится, оценил его состояние маршал. Интересно, насколько он сам осознает, что делает? В зале со щупальцами... Додумать маршал не успел. Коренастый бандит остановился возле них, обводя пристальным, гнетущим взглядом.

— Давно не виделись, Джеб.

Глаза коренастого метнулись в сторону заговорившего тапёра. Из-за спин мужчин раздался удивленный свист Джека.

— Бритва Грей, — скрипуче проговорил Джеб. — Смотрю, ты сменил компанию. Что, пианино уже не приносит тебе нужного дохода?

Акс, проигнорировав окрик стрелка, спокойно вышел вперёд, загородив своих спутников.

— Ты же знаешь мою натуру, Джеб. Я романтик. Музыка, девочки, шепотка риска.

— Риска тебе хватало.

Мортимер заметил — лицо тапёра побледнело. Грей медленно сжал и разжал кулаки, пошевелил всеми пальцами, словно пытаюсь взять особо сложный аккорд.

— Такого риска мне хватило с избытком, Джеб. А тебе, видимо, нет, — тапёр кивнул в сторону колышущейся пелены. — Что, рук не хватает?

Придерживавший индейца Мортимер увидел — Джеб побагровел, сделал шаг в сторону Грея. Что бы ни связывало этих людей в прошлом, сейчас бандит готовился убить тапёра голыми руками.

— Остынь, Джеб, — стрелок тоже заметил состояние своего партнёра. — Они все могут нам пригодиться.

Джеб зло плюнул под ноги Грея, повернулся к маршалу.

— Думаю, мистер как вас там, ты не знаешь, с кем связался?

— Насчёт вас, Джеб, могу сказать почти с уверенностью. Если потрудитесь сбросить свой плащ, поможете мне избавиться от последних сомнений. Я по достоинству оценил замечание мистера Грея.

— Не так уж давно он стал мистером, — проскрипел Джеб. — До этого звался просто Бритва Грей.

Маршал промолчал. Кем бы ни был Акс Грей до встречи с ними, сейчас это интересовало Дугласа в последнюю очередь. Всё его внимание занимала одна единственная мысль — надо найти выход из ситуации, а потом выбить из Джеба информацию о Скарфоро.

— Плевать, кто твой приятель? В общем — правильно, — Джеб повернулся к мексиканцам. — Карлос, поди-ка сюда.

Худой, высокий креол, с ярко выраженными испанскими чертами, приблизился к главарю. Косой шрам уродовал его левую щёку.

— Следи за ними, — Джеб кивнул в сторону четырёх мужчин. — Джек, заberi их оружие, и идём. Ты мне нужен возле ворот.

Джек обошел Уильямса, забрал винтовку проводника, но трогать Мортимера не стал.

— Ты забыл револьверы этого маршала, — скрипуче напомнил Джеб.

Стрелок отрицательно покачал головой.

— Ни разу, Джеб. Законник мне должен. Он остался жив после моего выстрела.

— Просто пристрели его ещё один раз. Троих кровососам хватит.

Джеб раздражён, подметил Дуглас. Что-то шло у бандитов не по намеченному плану. Это хорошо. Может попробовать сейчас? Дуглас быстро посмотрел на Карлоса. Креол забрал у Джека винтовку их проводника и теперь внимательно следил за каждым их движением. Успеет ли он — рука Мортимера сдвинулась на дюйм в сторону револьвера.

В этот момент индеец покачнулся. Карлос мгновенно навёл винтовку на него.

— Поосторожнее, — процедил Джек. — А ты, законник, иди сюда. Дело есть.

Мортимер сделал два шага вперёд. Пришлось оставить индейца без поддержки. Канги опустился на пол, прислонившись спиной к стене.

Заметив, что маршал держит руку возле своего пояса, Джек ухмыльнулся.

— Убери руку от револьверов, маршал. Если хочешь получить шанс.

— Придурок, — Джеб отправил в полёт ещё один плевок, на сей раз под ноги стрелку. — Его в любом случае убьют.

— Не придется, — спокойно ответил Джек. — Я сам это сделаю — красиво. Займись

лучше мешками. Скоро ворота откроются совсем в другое место.

— Если не закончишь к тому времени — оставлю тебя наедине с проклятыми птичками. Будешь сам выпутываться. Грей, ты со мной. Нечего вам так кучковаться.

Откуда-то из-под плаща показалось дуло револьвера.

— Топай впереди. А ещё лучше — давай сюда свою бритву. Живо.

Тапёр сощурился, но подчинился. Сейчас явно неподходящий случай героизмовать.

— История повторяется, законник. Ты, я, священник, парочка зрителей.

— Мне повернуться? Что бы ты мог меня окликнуть.

Дуглас пристально смотрел в глаза стрелка. Те оставались спокойными и злыми одновременно.

— В этот раз будет веселее. Доставай свои револьверы. Один отдашь Карлосу.

Стрелок заметив колебания Мортимера, навёл ствол на Канги. Раздавшийся выстрел заставил всех вздрогнуть. Палец Карлоса едва не нажал на крючок.

Проводник шумно резко выдохнул через нос, давая предательский стон. Пуля пробила ему ногу.

— Говорю один раз. Ясно?

Дуглас протянул револьвер креолу. Тот сунул оружие за пояс штанов.

— Молодец. Теперь оставь в барабане один патрон.

Маршалу пришлось выполнить и это требование.

— Осталось раскрутить барабан. Давай, законник, испытай удачу. Крути и ложи в кобуру. Вот он, твой шанс.

— Один против шести? Вы, Джек, сильно преувеличили свои возможности.

Уильямсу показалось — стрелок сейчас убьёт Канги. Стрелять в Мортимера он не станет. Не сейчас. Сейчас стрелок сделает всё, что бы заставить Дугласа играть по своим правилам. Палец Джека почти спустил курок. Можно было увидеть, как тот дрожит, готовый сорваться и ударить по капсулю. Внезапно стрелок перехватил его свободной рукой, аккуратно вернул на место.

— Ты прав. Уравняем — для верности.

Пять патронов посыпались на пол. Барабан револьвера Джека крутанулся.

— Что я получу, если выиграю?

Стрелок изобразил удивление.

— Проживешь на пару часов больше.

Мортимер покачал головой.

— Тогда мне нет смысла даже стараться.

— Есть. Твои приятели тоже проживут дольше. Час, два, может три. Это целая вечность по сравнению с одной минутой.

Стрелок сделал первый шаг, следующий. Он отступал в тёмный коридор, сливаясь с тенями. Мортимер остался стоять на месте, освещенный светом ламп. Карлос отошел чуть в сторону, желая убраться с линии огня стрелка. Креол продолжал удерживать маршала на прицеле, поглядывая одновременно в сторону проповедника.

Уильямс опустил лампу на пол и теперь обеими руками сжимал библию. Мексиканец усмехнулся — шрам исказил лицо в гримасе. Этот святоша может молиться сколько угодно. Все они закончат одинаково. Только и разницы — пуля, или клыки мерзких летучих тварей. Их отряду едва удалось отстреляться наверху. Зато теперь у них есть приманка. Раненный индеец, проповедник этот, тип в котелке. В живых этого Бритву, или как его, не оставят. В

чём нельзя упрекнуть Джеба, так это в привязанности, или сентиментальности. Что касается маршала. На его труп вполне может кинуться кровосос другой. Прежде чем поймут — горячей крови им не найти.

Десять шагов, пятнадцать. Джек остановился, развернулся, посмотрел на свою жертву. Ещё одна зарубка на рукояти револьвера. Двадцатая по счёту. Скоро придётся менять накладку. Или не стоит? Эти зарубки чудесно держат руку.

Стрелок сделал знак маршалу — давай, мол, занимай позицию. Мортимер остался на месте. Джек повторил движение, а потом крикнул. На голос маршал среагировал. Хорошо, значит тени достаточно. Этому усатому придётся дожидаться вспышки. Иначе ему ни за что не определить, куда стрелять. Только, когда маршал увидит вспышку — для него тут же всё и кончится.

В этот раз в голову — решил стрелок. Точно в лоб. Чтобы уж наверняка.

Пальцы Джека прошлись волной над рукояткой револьвера. Ещё пара секунд. Возможно, у законника сдадут нервы. Это станет просто прекрасным подарком. Пускай попробует достать своё оружие. Джек играючи его обгонит, лишив призрака надежды, который оставил маршалу в насмешку.

Мортимер ждал. Откинув в сторону полу сюртука, он поглаживал рукоять своего револьвера кончиками пальцев. Маршал прекрасно понимал, на что рассчитывает его противник. Да, у него меньше одного шанса из ста — больше, чем ничего. Тени в коридоре шевелились. Едва различимо, но всё же. Успеть бы заметить движение, любое, тогда можно метнуться в сторону.

Стрелять надо в Карлоса. Потом к винтовке Канги. Мексиканец точно её выронит. Дальше идеи заканчивались. Зато потом противников станет на одного меньше. Уже хорошо. Всего-то и надо, что заметить движение. Или спровоцировать его. Пальцы Дугласа сомкнулись на рукоятке револьвера.

Вот оно! Джек увидал, как пальцы законника обхватывают рукоять оружия. Сдали нервишки, со злорадством подумал стрелок. Он был моложе Мортимера и, вполне вероятно, быстрее. Револьвер Джека выскочил из кобуры. Обе руки стрелка заработали в едином ритме.

Удалось. Будь у Дугласа время на какие-либо чувства и эмоции, Дуглас ликовал бы. Он заметил движение теней. Попробуй маршал обогнать Джека — на этом дуэль бы и закончилась. Вместо этого, он прыгнул в сторону. Секунду спустя там, где он стоял, просвистела пуля.

Перекатившись по полу, Мортимер оказался рядом с Карлосом. Лёжа на спине, маршал навёл револьвер точно в пах креола. Тому потребовались драгоценный мгновения, чтобы сообразить — жертва Джека жива. Ба, больше, целится в него, Карлоса. Винтовка метнулась вниз, но в третий раз курок ударил о патрон, посылая пулю в цель.

Джек увидел, как законник заваливается. Его револьвер так и остался в кобуре. Ха, осталось только подойти и увидеть мозги на одежде жертвы. Может быть, стоит закрыть ему глаза? Если там осталось, что закрывать. Стрелок выпрямил слегка согнутые в коленях ноги, почти отправил свой револьвер в кобуру. В этот момент раздался второй выстрел.

Стрелок бросился вперёд. Этот поддонок провёл его! Второй раз! Джек вздрогнул. Он промахнулся второй раз!

Бандит видел, как законник, не поднимаясь, потянулся к винтовке. Не успеет. Джеку хватит одного патрона, зажатого в руке. Осталось восемь шагов. Вот патрон вошел в барабан

наполовину.

Яркий свет плеснул в лицо Джека, когда он уже поднимал свой револьвер вверх. Что-то обжигающее впечаталось в лицо, заставляя взвыть от боли, рефлекторно спустить курок. Пуля ударила в тело мёртвого Карлоса.

Сколько ещё мне будет везти? Мысль мелькнула в голове Мортимера и пропала. Не убери он руку, Джек попал бы в него. Скорее всего — перебил бы запястье.

Схватив винтовку, Дуглас откатился в сторону. Теперь посмотреть, что послужило причиной промаха Джека. Поняв в чём дело, Мортимер едва не расхохотался от избытка напряжения.

Уильямс взмахнул фонарём второй раз, обрушивая его на затылок стрелка. Стекло лопнуло. Керосин плеснул на Джека мгновенно вспыхнувшей волной. Начавший было терять сознание мужчина, мгновенно пришел в себя от боли. Пламя охватило одежду, лизнуло и зажгло волосы на голове. Джек рухнул на камни и стал кататься по полу, в надежде сбить пламя.

К ним уже бежали. Мортимер выстрелил два раза. Раздался вскрик — похоже, один из выстрелов задел кого-то из мексиканцев. Хорошо, значить осталось семь. Вместе с Джебом — вот что плохо.

Ещё там был Грей. И динамит. Джеб прихватил сумку Акса с собой.

Несколько пуль ударили рядом. Да, Карлос, неважное из тебя укрытие. Мортимер потянул спуск снова.

Надо считать патроны. И стоит крикнуть индейцу с проповедником — пусть уходят отсюда. Хотя, кой черт! Канги не сможет уйти. Джозеф, пусть уходит он. Выстрел — один из мексиканцев поплатился за то, что высунулся из укрытия. Шестеро.

Рядом с Дугласом проскрёб по камням револьвер стрелка. Маршал услышал окрик Канги. Некогда оглядываться, каждая секунда на счету. Канги перезарядил пистолет — хорошо. Мог бы сам пальнуть пару раз. Точность не важна.

Три пули сразу взвизгнули вокруг Дугласа. Одна, винтовочная, прошла над его головой. Пули из пистолетов задели маршала. Щека сразу намокла, предплечье обожгло огнём. Мортимер откатился в сторону. В тот же момент кучно ударили ещё три пули.

Джеб стрелял сразу с четырёх рук. Две верхние удерживали винтовку, прижимая приклад к плечу. Пара нижних рук, расположенная сразу под первыми, сжимала по револьверу. Эдакий кошмарный вариант винтовки Гатлинга.

Мексиканцы сразу придвинулись. Сделать это под прикрытием четверорукого оказалось очень просто.

Пули ударили куда-то позади маршала. Чёрт! Теперь под огонь попали проповедник с проводником. Безоружные. Хоть бы укрылись где-то. Пускай даже за разросшимся кристаллами тёмным камнем.

Неужели конец? Сейчас, стоило ему ухватить банду Скарфоро за хвост. Ладно, пусть так. Джеба он, Дуглас Мортимер, утащит с собой. Законник резко выдохнул, готовясь вскочить на ноги. У него останется время на пару выстрелов. Их хватит.

Зал содрогнулся. С потолка сорвалось несколько кусков камня. Жалобно вскрикнула пара бандитов — острые сталактиды пробили их насквозь. Джеб прекратил стрелять. Пригибаясь, бандит бросился в сторону, на ходу оглядываясь на стену тьмы.

Пещера наполнилась пронзительным, высоким писком множества голосов. Вслед за писком раздался громкий визг, удивительно похожий на рёв.

Осколок, отлетевший от упавшего сталактита, чиркнул Грею по щеке. Тапёр застонал, приходя в себя. Аксу казалось — голова треснула на две части. Следовало проверить. Акс потрогал затылок, убедился — череп почти цел. Видимо Джеб сильно торопился, а может бил одной из своих лишних рук. Тапёру повезло — жалеть Бритву Грея бандит не стал бы. Одно из правил четверорукого — никого никогда не жалеть.

Тапёр поднялся на колени, упираясь ладонями в пол. Внезапно его вырвало. По всему выходило — он оказался на волосок от смерти. Хотя, он и сейчас на том же самом расстоянии. Вокруг грохот выстрелов и противный визг. Этот визг хуже всего. Ввинчивается прямо под череп. Акс смог подняться на ноги, но продолжал стоять, наклонившись вперёд, борясь с очередными рвотными позывами.

Нет уж, мистер Мортимер, мистер Уильямс. Как хотите, но и гарнизон, и церковь просто так обязаны изыскать средства для покрытия всех этих неудобств. Если, конечно, Акс Грей, по прозвищу Бритва, сможет востребовать плату за участие в этой аванюре. Кстати, а что сможет мне помешать? Грей попробовал оглядеться.

Вокруг творился ночной кошмар. В воздухе ширяли длинные змееподобные существа. С пронзительным писком они кидались на бандитов, норовя вцепиться в них раскрытыми трехлепестковыми пастьями.

Мексиканцы сбились в кучу, отстреливаясь от нападавших существ. Вокруг бандитов уже лежало около десятка тел. Однако, всё новые прибывали, появляясь из портала посреди пещеры.

Тапёр подобрал с пола бритву. Похоже, она выпала из кармана плаща Джеба. Плащ валялся скомканной тряпкой неподалёку. Один из кровососов спикировал на новую жертву. Мужчина успел открыть бритву и полоснуть, рассекая пасть твари. Жаль, что вся эта крылатая мелочь оказалась самой маленькой из возможных проблем. Во всяком случае, подумал Акс с горькой ухмылкой, в плане размера.

Громадное создание протискивалось через портал. В свете уцелевших фонарей новое существо напоминало искусно вырезанную из камня скульптуру. При этом, оно имело удивительно гибкое тело.

Внешне этот каменный змей напоминал мелких крылатых бестий. Ещё одна метнулась к Грею. Тапёр, окончательно пришедший в себя, ловко рассек её бритвой на лету. Главным отличием были глаза. Холодные, без век, периодически затягивающиеся плёнкой. В этих змеиных глазах светился чуждый разум.

Из тёмной завесы показались перепончатые крылья. Лап Грей не увидел, но разглядывая пасть, даже не обрадовался этому. Змею вовсе не было нужды хватать их — заглотит и всех делов.

К Аксу метнулись сразу несколько мелких тварей. От одной ему удалось увернуться. Хвост другой обвил его руку. Третья, распахнув пасть, целилась в лицо тапёра.

Выстрел бросил разорванное тело кровососа в сторону Грея. Оно влетело в грудь тапёра, сползло окровавленным комком на пол. Кто бы ни стрелял — Акс был ему благодарен. Вцепившейся в руку твари, Грей отсёк хвост. Ещё пара ударов, поморщился мужчина, и бритва серьёзно пострадает. Стоило найти пистолет, или винтовку. Акс сморщился ещё сильнее. Он терпеть не мог отдачу, рвущую руку. Да только, что делать? Встав на ноги, он

привлѣк внимание летучих тварей.

Каменный змей, призванный сюда тенью, почти полностью выбрался из портала. Его слуги успели взять часть добычи себе, но змей чуял — в пещере остались жертвы, достойные его внимания. Вон одна из них. Человечек в чёрном, удерживающий тень. Сильный, раз смог устоять перед голосами его посланцев и захватить одного из них.

В шкуру змея ударили пули. А, вот и второй. Этот напоен тёмной энергией вволю. Она уже изломала его тело. Что касается души — тут ломать было нечего.

Существо ощущало и другие жертвы. Отмеченные лёгким касанием тёмного минерала, с сильной волей. Превосходно — ключ и проводник сошлись в одном месте. Оставалось насытиться и покинуть эти пещеры.

Мортимер стоял в полный рост и расстреливал мелких кровососов из револьверов. Методично, тщательно выбирая цель. Прислонившийся к стене, бледный, Канги перезаряжал винтовку.

Индеец с благоговейным ужасом наблюдал за явлением божества своего племени. Сам Каменный змей явился в мир смертных. Он изберѣт себе жертву и пожрѣт её. Уцелевшая рука бездумно заправляла патроны в обойму. Разум метался на грани безумия. Если бы не бледнолицый проповедник, побелевшими пальцами стискивающий книгу с золотым крестом на переплѣте, индеец уже бы валялся на полу, покорно ожидая своей участи.

Вид Уильямса, выставившего вперѣд свою библию, почти белого, но продолжавшего шевелить губами, напомнил индейцу о чести. Боги вправе принимать жертвы, но жертва должна быть достойна. Иначе в тебя вопьются сотни зубов мелких слуг и бесов. Нет уж, Канги положил заряженную винтовку себе на колени, он достанется только Каменному змею. Мелкие кровососы сломают о него зубы.

Грей пробирался к маршалу и проповеднику. Десяток, другой метров превратился в сотню. Бритву он убрал в карман, сменив её на подобранный револьвер. Потом в его руке оказался другой — перезаряжать оружие времени не было. Одежда висела на нём окровавленными тряпками, на предплечьях остались следы мелких зубов. Однако же, Акс приближался к своим спутникам.

Мексиканцев не осталось. Последнего, обезумевшего от ужаса, приросшего к месту, облепило сразу пять мелких существ. Акс увидел, как бедолага валится на пол — проглядывающая из-под копошащихся змееподобных тел, кожа смуглого бандита стала похожа на серую бумагу.

Тапѣр выстрелил ещё пару раз. Перепрыгнул через упавших под ноги змей, бьющих в агонии крыльями. Сделал три шага и влетел в бледного проповедника, едва не сбив Джозефа с ног.

К удивлению Акса, Джеб тоже оказался здесь. Бандит яростно сверкал глазами, но оружие держал нацеленным на гигантского змея. Туша чудовища свила кольца на каменных плитах пола. Раскинув крылья в стороны, змей смог бы, возможно, сделать взмах другой, но летать, как его мелкие копии не смог бы.

— Кто из вас его призвал? — проскрипел Джеб.

Нижняя пара рук сноровисто перезаряжала револьвер.

— Мелких мы ждали — готовились скормить им вас. Но вот эта тварь — её кто-то позвал, и я точно знаю, что никто из наших на такое не способен. Кто? Ты, Грей? Или, может быть, ты?

Джеб навѣл винтовку на индейца.

— Убери ствол, Джеб.

В сторону четырёхрукого посмотрели сразу три револьвера. Канги проигнорировал угрозу. Проводник посматривал в сторону тёмного коридора, по которому они пришли сюда. На границе отступившего света, рядом с тенями пещеры, лежало тело стрелка Джека. Бесчувственное или мёртвое — значения не имело. В темноте что-то шевелилось, тянулось к телу Джека.

— Не сбежишь, краснорожий, — Джеб злорадно сплюнул, словно Канги мог попробовать сбежать. — Их там сейчас куда как больше чем прежде.

Бандит быстро выстрелил в летучих змей. Одна упала, вторая отлетела в сторону гиганта. Теперь их в пещере осталось не больше пяти. Остальные лежали уродливыми кулями на полу, на мертвецах, некоторые продолжали дергаться в агонии.

Гигантский змей не торопился нападать, глядя на оставшихся людей. Им удалось получить маленькую передышку.

— Точно также, Джеб, и тебе бежать некуда.

Мортимер стоял боком, пытаясь одновременно удерживать на прицеле и бандита, и змея.

— Это сейчас. Когда вами начнут закусывать, у меня появится отличная возможность.

Дуглас демонстративно взвёл курок.

— Не дергайся, законник. Тебе пригодятся мои руки. Равно, как и мне ваши. В ближайшее время у нас вынужденное перемирие.

Маршал понимал — бандит прав. Они или найдут выход вместе — тогда появится возможность для выяснения отношений, — или могут с равным успехом перестрелять друг друга, или самостоятельно броситься в пасть змея.

Только что им делать? Мортимер видел, как от шкуры чудовища отскакивают пули. Попадая, пули могли отколоть мелкие кусочки камня, но большего вреда они не причиняли.

— Динамит, — бросил Грей. — Джеб, куда ты задевал мой динамит?

Бандит скинул с плеча сумку с динамитными шашками.

— Толку в них, Бритва, — голос Джеба оставался скрипучим, словно не смазанное колесо. — Мы подобных тварей встречали пару раз. На той стороне тьмы. Их динамит берет плохо. Только обвал тут устроишь.

Со стороны священника донесся стон. Взгляды остальных повернулись в сторону Джозефа. Тот медленно сползал по стене на пол. Бледный, с закатившимися глазами, руки сжатой в них библией тряслись как у припадочного.

— Я больше его не удержу, — Просипел Уильямс, теряя сознание.

Тело проповедника растянулось на каменном полу, книга выпала из разжавшихся пальцев. Дуглас сделал шаг в сторону товарища, надеясь привести того в чувство — во всяком случае, попытаться это сделать.

Маршала остановил окрик Канги. Индеец заметил — от тени проповедника отделилась другая. Расплывчатая, постоянно меняющая форму, эта тень стремительно бросилась прочь, в сторону каменного змея. Тот зашевелился, подался вперёд в предвкушении. И тогда индеец предупреждающе закричал.

Змей радостно шипел. Посланец возвращался к нему. Теперь можно приступать к трапезе. Человечек в чёрном лишился чувств и перестал быть преградой. Остальные могут попытаться замедлить его, отдаляя неизбежное. Не более того

Существо подождало, пока посланец сольётся с его собственной тенью. Потом змей

посмаковал чувства и мысли отца Уильямса — тень принесла их часть с собой. Да, этого человека стоит оставить напоследок. Тогда голод не станет мешать распробовать в полной мере и плоть, и дух проповедника.

С грацией змеи, чудовище скользнуло в сторону людей.

— Чёртов святоша, — Джеб разрядил винтовку в чудовище. — Я его сам застрелю!

Мортимер выстрелил одновременно с Греем. Четыре пули, впившиеся в каменную чешую, заставили змея на секунду остановиться.

— Канги, — маршал снова спустил курки, — готовь шашки!

Мортимер целился в глаза чудовища, но тварь словно чувствовала это. Голова змея ходила из стороны в сторону. Чуть-чуть, но этого хватало — пули ударили рядом.

— Дуглас! — крикнул Грей. — Не смотри в его глаза! Не смотри туда!

Мортимер понял, о чём кричит тапёр, когда почувствовал — он раскачивается в такт со змеем. Уже два выстрела вовсе не достигли цели. Усилием воли, маршал попробовал сосредоточиться на массивном теле. Стало легче.

Пули мешали. Они сбивали каменного змея с ритма, заставляли замирать. Всё это временно. Вокруг столько силы. Она переполняет пещеру. Струиться через чёрные кристаллы. Сила течет в него потоком. Совсем скоро, эти тупые осы вообще перестанут досаждать ему.

Грей выхватил первую шашку прямо из рук Канги. В пальцах тапёра тлела помятая сигарета. Акс поднёс её красный кончик к запалу, свисающему с шашки. Искра с шипением побежала вверх.

Мортимер с Джебом подались в стороны, освобождая место тапёру. Грей размахнулся и швырнул шашку, стараясь забросить ту за спину чудовища.

Взрыв оказался не сильным, но его хватило, что бы обрушить парочку сталактитов. Один, довольно крупный, ударил в спину змея. Тот растянулся на полу. Скорее от неожиданности, чем от полученного вреда.

Акс поторопился метнуть вторую шашку. На этот раз разлетелся один из сталагмитов. Блестящие осколки тёмного кристалла разлетелись во все стороны. На телах тапёра и маршал появились новые следы — болезненные, но не такие смертельные, как следы от пуль или зубов тварей.

Разбросав резкими короткими взмахами крыльев осколки камня, змей вновь кинулся к своей добыче.

Грей не успел поджечь фитиль. Наверняка, это спасло ему жизнь. Тапёру удалось избежать пасти чудовища, но грубая кожа прошла по его боку, превращая одежду в лохмотья, оставляя на теле кровавые ссадины. Акса бросило на пол, шашка вылетела из его руки, откатываясь вглубь пещеры.

Мортимер всадил одну за другой четыре пули в существо. На этот раз ему повезло. Голова змея оказалась прямо перед ним. Взгляд холодного, абсолютно чуждого разума окатил маршала волной, а потом потух. В лицо Дугласа брызнула чёрная кровь пополам со студенистыми сгустками. Волна зловония прокатилась по пещере, забивая дыхание.

Змей с визгом отпрянул назад. Голова чудовища заметалась из стороны в сторону, разбивая кристаллы, врезаясь в камни.

Маршал помог подняться на ноги залитому кровью Грею.

— Вы на удивление хорошо держитесь, мистер Грей.

— Я уже говорил вам — на мне всё прекрасно заживает.

Тапёр озирался в поисках сигареты. Все его мысли сузились исключительно до маленького тлеющего огонька на конце самокрутки.

— Мортимер, Грей, — мужчин позвал Канги. — Забираете Джозефа и уходите.

Маршал и тапёр посмотрели в сторону индейца. Тот стоял на ногах, упираясь спиной в стену. Сумку с оставшимися динамитными шашками он повесил себе на грудь, жгут сплетённых вместе запалов торчал наружу.

Маршал бросил взгляд на змея. Тот, повернув голову на бок, внимательно следил за людьми. Чудовище выбирало момент, не желая рисковать вторым глазом.

— Быстрее, пока этот четырехрукий расчищает путь.

— Канги прав. Джеб воспользовался-таки случаем. Вполне в его стиле.

Тапёр наклонился над Уильямсом, попытался его поднять. Мортимер отступал назад спиной, выставив перед собой оба револьвера.

— Канги, пойдешь первым.

— Вы идёте без меня. Только, Мортимер, видите упавшую шашку?

Маршал утвердительно хмыкнул.

— Начнёте уходить — всадите в неё пулю. Мне понадобится время, пока вы отойдёте подальше.

— Дуглас, Ульямса надо тащить. Он в полной отключке, но дышит.

Змей зашевелился. Он чувствовал — добыча может попробовать уйти. Следовало остановить добычу, но боль в правой, пустой теперь, глазнице, сдерживала его.

Дуглас помог подтащить проповедника ближе к тоннелю. По узкому тёмному коридору металась отзвуки выстрелов. Где-то впереди Джеб отстреливался от кого-то. Должно быть — от щупалец.

Змей переместился ближе. Теперь он легко мог дотянуться до людей в коридоре.

Мортимер скосил глаза на динамит. Шашка лежала в двух шагах от змеиных колец, закатившись под крупный сталагмит. Толстые грани тёмного камня наливались чернотой — уцелевших ламп в подземном зале почти не осталось.

Дуглас вскинул револьвер и выстрелил. Расчет оказался верным — тело чудовища смогло прикрыть их от взрыва. Сам каменный змей вновь оказался оглушённым. Не медля больше ни секунды, маршал бегом бросился в коридор, догоняя тапёра, который за плечи тащил по полу проповедника.

Мощный взрыв ударил им в спины спустя половину минуты. Взрывная волна оказалась столь сильной, что Дугласа и Акса буквально швырнуло на пол. От удара о камни сознание мужчин начало гаснуть. Погружаясь в беспамятство, Дуглас очень надеялся, что нарастающий вокруг гул звучит только в его ушах.

Грей продержался в сознании несколько дольше. Он успел заметить расселину в полу, из которой торчало простреленное в нескольких местах щупальце. Потом из-за спины Акса накатил волна осязаемой темноты. Темнота гудела, укрывала всё вокруг себя, поглощала любые другие звуки.

Окончательно теряя сознание, тапёр услышал стон проповедника. Вот уж не вовремя человек решил прийти в себя.

Джеб едва не полетел кувырком, когда пол пещеры пошёл волной. Щёлкающие вокруг него щупальца, спешно втягивались в щели. Бандит резко обернулся.

Сзади волна колышущейся тьмы накатил на три тени, валяющиеся на полу. На секунду Джебу стало интересно — кто остался на закуску каменной змеюке? Бандит очень надеялся,

что проповедника среди растянувшихся на камнях нет.

Однако же, стоять на месте нельзя. Врата потеряли стабильность. Этим сволочам удалось-таки достать порождение этих врат — их хранителя. Скарфоро может теперь ждать оставшуюся часть добычи хоть до второго потопа.

Коридор опять тряхнуло. Пол таки ушел из-под ног Джеба. Бандит выставил перед собой все четыре руки. Подниматься он не стал — покатился по камням, пытаясь отыскать хоть какую-то щель. Подвернись такая, бандит сразу же забился бы в неё, спасаясь от пожирающих всё вокруг врат тьмы. Лишившись своего хранителя, каменного змея, врата выплеснули из себя всю накопленную энергию.

Голоса вернулись. С момента, когда он выпустил из своих мысленных тисков тень, и до этого самого не было ни чего. Потом в него вновь впились зубы шепота. Голоса злорадствовали. Они издевались над ним. Вновь и вновь повторяли — всё из-за тебя. О, отец Уильямс, как же мы благодарны тебе! Сколько добычи ты положил прямо на наши языки! Мы чувствуем вкус страха, бессилия, ужаса. Да, проповедник, у тебя всё получилось. Всё, чего от тебя хотели мы.

Уильямс ощущал — мир вокруг него содрогается. Что-то липкое, мерзкое, напозало со всех сторон. В этой мерзости звучали всё новые и новые голоса. Но, в этих голосах звучал и страх. Джозеф ощутил его ещё тогда, когда удерживал тень змея. Ощутил и сейчас. Шепчущая разными голосами тьма боялась — проповедник придет в себя. Да — именно этого. Поэтому голоса внушали отчаяние, желание сдаться, взвыть от горя.

Джозеф застонал. Нет — не получите! Ни меня, ни тех, кто со мною рядом. Прочь! Прочь! Pater noster...Pater noster!

Уильямс поднимался на ноги в абсолютной тьме. Тьма обтекала проповедника со всех сторон. Тьма говорила с ним голосом Канги. Она жаловалась — все бросили бедного индейца, заставили его пожертвовать собой. Ради чего? Ради бледнолицых, посягнувших на святыни его народа?

Проповедник присел, ощупывая всё вокруг себя. Он не сводил взгляда с пульсирующего сгустка посреди тьмы. Этот сгусток, столь же чёрный, как и темнота вокруг, был, одновременно с этим, удивительно отчетливо виден. Он пульсировал, словно нечестивое сердце. От него во все стороны растекались тягучие волны, струились сводящие с ума голоса.

Ты всё сделал правильно, Джозеф. Не обращай внимания на этого краснокожего. Сколько таких вот ты положил в землю, пока служил в кавалерии? Стоит ли и считать.

Пальцы нащупали рукоять револьвера, сжались на ней.

Голоса продолжили насмехаться. Давай, Джозеф, давай. Приставь холодный металл к пылающему виску. Вот. Так. Чувствуешь — приятная прохлада успокаивает боль в голове? Осталась самая малость — нажать на спуск. Сделаешь это, и мы уйдем, исчезнем, оставим тебя, Джозеф.

— Вы и так уйдёте, — процедил отец Уильямс.

Он отвёл револьвер от своего виска, прицелился в сгусток тьмы и выстрелил.

Услышать взрыв в Санта Цело не могли. Разве, что у горы снесло бы какую-нибудь часть, а этого не произошло. Зато ощутить мощь произошедшего в горах события смогли все. Часть домов в городе оказалась повреждена землетрясением. Два дома загорелись от разбившихся ламп. По счастью их успели потушить.

В общем и целом, убытки людей оказались значительно скромнее слухов и сплетен, которыми в течение нескольких дней наполнился город. Эти слухи подогрела загадочная экспедиция, снаряженная капитаном Ван Клифом в горы. Вернувшиеся солдаты, будто воды в рот набрали. Единственное, что удалось от них узнать горожанам — часть пещер в горах обвалилась. Повезло, что это оказались старые, заброшенные к этому времени выработки.

Больше всего многие радовались сообщениям о завалах в пещере Каменного змея. Одна из девочек мадам Зизи по страшному секрету рассказывала подружкам: «Вход завален полностью. Солдаты попытались расчистить завал, но у них ничего не вышло».

Солдат, прошедший ночь с этой девочкой, мог бы многое добавить к этому рассказу, но только на исповеди. Капитан гарнизона под страхом трибунала приказал молчать о трупах в разрушенном доме старателей и об останках неведомых тварей. Особо капитан приказал молчать о переливающихся кристаллах чёрного камня.

У солдат, побывавших возле старой шахты, существовал соблазн — оставить необычайной чистоты камни себе. Их можно было выгодно продать. Один малый так и сделал — сунул парочку крупных кусков себе в карманы. Потом все радовались, что этот парень оказался в одиночестве, когда его камни рванули, что твой динамит. От бедолаги остались только ключья окровавленной формы да дранные сапоги. Шпор на сапогах не обнаружилось.

После этого случая, весь найденный возле шахты запас камня сдали лично капитану Ван Клифу. Тот потратил целый день на размышления, но решил не рисковать. На отдельных повозках камни вывезли далеко за город. Посреди степи солдаты вырыли с десятков глубоких ям и распихали осколки по ним. Едва ли не по одному осколку в яму.

И Ван Клиф, и отец Роббинсон много думали — что же произошло в горах. Оба — жители фронта. Оба — имели представление о добыче руды, динамите, обвалах и тёмном камне. Обсуждать эту тему им не довелось, но оба пришли к единственно возможному выводу — если бы у их знакомых оставался хоть маленький шанс, они бы уже вернулись.

Вместе с тем, после случившегося, в городе стало спокойнее. Старатели больше не приносили в церковь тревожных вестей. Солдаты, отправленные в сопровождение большой партии добытой руды, перестали докладывать об искорёженных телах крыс. Раньше такие попадались в каждой груженной рудой телеге.

Что бы не случилось с отцом Уильямсом, Дугласом Мортимером, а также с тапёром Аксом Греем и индейцем проводником Канги, со взятой на себя миссией им удалось справиться полностью.

Именно за это отец Роббинсон каждый вечер возносил молитву Богу. За то же каждый вечер Ван Клиф наливал себе полный бокал вина.

Абсолютно разные, живущие на противоположных концах города, они завершали свой ежедневный ритуал одной и той же просьбой к судьбе, или Богу. Они просили о маленькой щели, куда можно забиться. О дыре. В полу, стене, в потолке, не важно, сквозь которую

можно протиснуться. О воде и воздухе в душном склепе гор.

Ветер, забирающийся в самые маленькие щели и трещины в горах, своим свистом насмехался над их мольбами.

Приветствую всех! Всем, добравшимся до этих строчек — огромное спасибо! За ваш интерес, за ваше терпение и за вашу поддержку героев этой повести.

Возможно, прочитав эпилог вы скажете: "Опять открытый финал. А, он просто решил всех грохнуть, чтобы не возиться с персонажами — бах и все под грудой камней. Автор либо устал, либо решил растянуть свою историю на вторую серию"

Скажу сразу — не устал) Повесть закончилась так, как и задумывалась. Что касается смерти всех персонажей — так это вопрос весьма спорный — если говорить о всех тех, в ком не сидит пуля, кто спасся от зубов кровососов или продолжает отстреливаться от щупалец в глубине пещеры.

Вот с открытым финалом интереснее. Фильм заканчивается, герои Иствуда уходят из города, оставив позади всё сделанное. История стрелка явно продолжается в другом месте и мы сами вольны выбирать это продолжение. Так и здесь — Канги ведь говорил своим спутникам, что в пещере множество ходов, ведущих и вверх и вниз. А взорвавшийся портал? Кто знает, что случилось после этого? Хотя, должен признаться, я догадываюсь что случилось с героями повести и что с ними может случиться дальше.

Повторюсь ещё раз — эту повесть я закончил полностью и так как хотел) Но если однажды из-под тёмных сводов старой пещеры выйдут запыленные мужчины и шурясь глянут на расстилающуюся перед ними картину я обязательно постараюсь проследить за их новыми приключениями и рассказать вам.

Всегда рад Вашему вниманию, мои дорогие читатели.